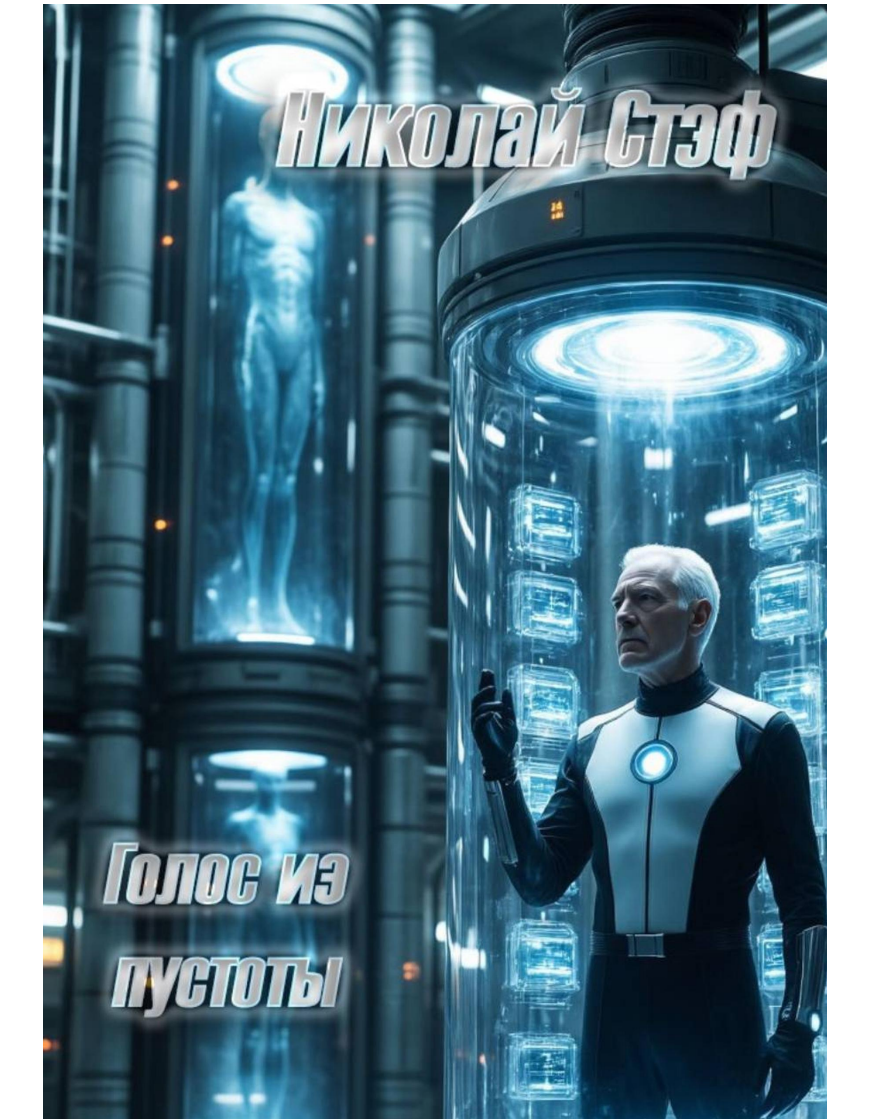

A movie poster for the Russian film 'Голос из пустоты' (The Void). The image features Morgan Freeman in a futuristic, high-tech laboratory. He is wearing a white and black suit with a glowing circular emblem on the chest and is looking up at a large, cylindrical, transparent container filled with glowing blue cubes. In the background, another similar container holds a glowing human figure. The overall atmosphere is mysterious and technological.

Николай Стэф

**Голос из
пустоты**

Николай Стэф

Голос из пустоты

<https://litres.ru/74541497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разведывательный фрегат «Скиталец» обнаруживает в пустоте между звёздами корабль, которого не должно существовать. Органический. Древний. Мёртвый. Внутри — окаменевшие тела экипажа и артефакт, поглощающий свет.

Найденный на его борту артефакт указывает на точку в галактике Андромеда, расположенную в миллионах световых лет от дома.

Империя отправляет секретную миссию — один корабль, три человека. Командор Эвелин Кросс, пилот Гарретт Вейн и сержант Томас Рилл летят в неизвестность. Они не знают, что некоторые двери, однажды открывшись, уже не закрываются.

Корабль выходит из туннеля и обнаруживает астероид размером с континент, окружённый кольцом обломков тысяч чужих кораблей. Связь с домом внезапно обрывается навсегда.

Муж Эвелин, капитан Кайдан Кросс, узнаёт правду, что его жена пропала. Совет отказывает ему в спасательной экспедиции, ссылаясь на психологическую непригодность. Но Кайдан знает нужных людей. И он не собирается отступать.

Эта экспедиция и найденная тайна изменят всё.

Николай Стэф

Голос из пустоты

Глава 1

Разведывательный фрегат «Скиталец» двигался по периферии сектора Девы уже четвёртый месяц без происшествий, и капитан Элиан Восс начал подозревать, что это проклятие, а не благословение.

Четыре месяца. Сто двадцать два дня. Две тысячи девятьсот двадцать восемь часов. Он считал их все, каждый проклятый час, потому что делать больше было нечего. Космос вокруг был чернильно-черным, как маслянистая лужа под фонарём в дождливую ночь, и таким же пустым. Лишь редкие искры далёких звёзд — тусклые, умирающие, равнодушные — напоминали о том, что где-то там, за миллиарды километров, существует жизнь, тепло, свет и люди, которые не смотрят каждые пять минут на датчики, молясь, чтобы те не пикнули. Но здесь, на самом краю обжитой галактики, в месте, которое картографы Империи поместили как «малоинтересный сектор», царила лишь стылая, безмолвная пустота. И тишина. Такая тишина, что иногда Воссу казалось, будто он слышит собственные мысли, отражённые от стен мостика, и эти мысли были не самыми приятными.

«Скиталец» не был гордым флагманом Империи. Боже

упаси. Это был корабль-невидимка, тень, созданная для долгих, изнурительных патрулей в местах, где карты были скорее предположением, чем руководством к действию, а слово «разведка» означало «мы не знаем, что там, и, честно говоря, нам плевать, но надо проверить». Его корпус, длинной в триста метров, был покрыт матово-чёрной броней, поглощающей радиацию и свет, что делало его практически невидимым на фоне глубокого космоса. Никаких кричащих эмблем, никаких ярких огней, никаких «посмотрите на меня, я здесь». Только холодная, утилитарная эстетика. Корабль-призрак. Корабль-слух. Корабль, который существовал только в отчетах и в кошмарах тех, кто его случайно обнаруживал.

Внутри корабль напоминал скорее подводную лодку, чем звездолет. Узкие коридоры, где двое едва могли разминуться, переплетение кабелей и труб под потолком, постоянный, низкий гул работающих систем жизнеобеспечения и гипердвигателя, который вибрировал в костях, в зубах, в самой душе. Воздух был прохладным и пах озоном, перегретой электроникой и слабым, почти неуловимым запахом пота и страха — запахом сорока двух человек, запертых в металлической банке посреди бесконечной ночи. Экипаж жил в условиях постоянной тесноты и изоляции. Каюты были крошечными, не больше тюремных камер, еда — синтетической, серой и безвкусной, а развлечения ограничивались просмотром старых голофильмов, чтением технических мануалов и

редкими сеансами связи с далёким домом, сигнал от которого шёл неделями. Иногда кто-то сходил с ума. Это было нормой. Это было ожидаемо. Это было частью работы.

Мостик, расположенный в самом сердце корабля, был его единственным просторным помещением. Полусфера, усеянная голографическими панелями и тактильными интерфейсами, мерцала мягким синим и зеленым светом. В центре возвышалось командирское кресло, больше похожее на трон из композитных материалов и встроенных дисплеев. Оно было старым, потертым, с продавленным сиденьем, но Восс любил его. Оно было единственным местом на корабле, где он чувствовал себя хоть немного хозяином своей судьбы.

Капитан Элиан Восс сидел в этом кресле, откинувшись назад, и пытался не заснуть. Ему было сорок пять, но глубокие морщины у глаз и седина на висках прибавляли ему лет десять. Он был капитаном уже двадцать лет, и последние пять — на «Скитальце». Его лицо, обычно непроницаемое, как маска, сейчас выражало лишь усталую сосредоточенность. Он следил за монотонным пульсом датчиков на главном экране — бесконечная череда зеленых огоньков, сигнализирующих о том, что в радиусе двадцати световых лет нет ничего, кроме пустоты, пыли и равнодушных звёзд. Зеленый. Зеленый. Зеленый. Иногда — очень редко — желтый, когда мимо проплывал особенно крупный астероид. Но никогда — красный. Никогда.

Он потянулся к кружке с кофе, которая стояла в специ-

альном держателе на подлокотнике кресла. Кофе был холодным и горьким, как и всё на этом корабле. Он сделал глоток, поморщился и поставил кружку обратно.

— Лейтенант Кейн, — произнёс он, не повышая голоса. Его голос, низкий и спокойный, был привычен к тишине мостика. — Доложите статус сканирования дальнего радиуса.

Молодая женщина у навигационной панели, с коротко стриженными волосами и живыми, внимательными глазами, обернулась. Лейтенант Мира Кейн была на флоте шесть лет, и «Скиталец» был её вторым назначением. Она ещё не успела превратиться в ходячего мертвеца, как большинство старожилы корабля. Восс ценил это. Пока ценил.

— Ничего нового, капитан, — дoloжила она, и в её голосе слышалась та же усталость, что и у него, но ещё не сломленная. — Сектор чист. Патрульный маршрут «Дельта-7» завершён на восемьдесят семь процентов. Следующая контрольная точка через четырнадцать часов. Если ничего не изменится, мы вернёмся на базу через три недели.

— «Если ничего не изменится», — эхом повторил Восс, едва заметно усмехнувшись. Усмешка вышла горькой. — За четыре месяца ни одного корабля, ни одного сигнала бедствия, ни даже метеоритного роя. Иногда я задаюсь вопросом, не отправили ли нас сюда просто для того, чтобы мы не путались под ногами у большого флота.

— По крайней мере, платят хорошо, сэр, — отозвался старший инженер, Харлоу, грузный мужчина с руками, по-

крытыми следами ожогов от плазмы. Он сидел за пультом диагностики систем, лениво перелистывая отчеты. — Мой сын как раз поступил в академию. Эти кредиты очень кстати.

— Рад за вас, инженер, — кивнул Восс. — Но я бы предпочёл скуку и деньги, чем...

Он не договорил. Внезапный, резкий звук прорезал монотонный гул мостика. Это был не просто сигнал тревоги. Это был вопль. Пронзительный, искаженный, он заставил всех вздрогнуть. На главном экране, среди привычных зеленых огоньков, вспыхнула ослепительно-белая точка, которая начала стремительно разрастаться, пульсируя и излучая волны искажения. Волны шли по экрану, как круги по воде, искажая изображение, заставляя датчики сходить с ума.

— Что за чёрт?! — воскликнула Кейн, её пальцы уже летали по панелям. — Гравитационная аномалия! Внезапный всплеск, вектор — ноль-три-четыре-Марк-девять! Мощность... сэр, это невозможно! Показатели зашкаливают!

Восс мгновенно подобрался. Усталость как рукой сняло. Его глаза сузились, в них вспыхнул холодный огонь. Это был не страх. Это было что-то другое. Что-то похожее на голод.

— Отставить панику, — произнёс он, и его голос был твёрд, и уверен. — Лейтенант, дайте мне точные координаты. Харлоу, проверьте гравитационные сенсоры, возможно, это сбой.

— Не сбой, капитан! — голос Кейн дрожал. — Я вижу это

на всех трёх резервных системах. Источник — область, которая на всех картах отмечена как «Пустота Кентавра». Там нет ничего! Ни звёзд, ни планет, ни даже тёмной материи в достаточной концентрации. Это абсолютный ноль! Это... это, как если бы кто-то включил фонарик в абсолютно тёмной комнате, сэр. Но фонарик гравитационный.

— Экипаж, боевая готовность! — рявкнул Восс, и его голос эхом разнёсся по всему кораблю через систему внутренней связи. — Всем поста́м, доложить о состоянии!

Мостик ожил. Руки операторов забегали по голографическим панелям, пытаюсь локализовать источник сигнала. Воздух наполнился писком и щелчками сенсоров, перекрестными запросами и краткими, отрывистыми командами. Каждый знал своё дело, годы тренировок давали о себе знать. Но в движениях была нервозность, почти паника. Что-то было не так. Что-то было очень, очень не так.

— Сенсоры улавливают странный отклик, — доложил старший тактик, молодой лейтенант по имени Роан, чьё лицо побледнело до цвета старого пергамента. — Он не соответствует ни одному известному шаблону космических объектов Империи. Это не корабль, не астероид, не природное явление. Это... что-то другое.

— Конкретнее, лейтенант, — потребовал Восс, подходя к тактической панели.

— Сигнатура... она нестабильна, — Роан сглотнул, его кадык дёрнулся. — Меняется каждую наносекунду. Спектр из-

лучения — от гамма-лучей до низкочастотных радиоволн. Гравитационное поле... оно не просто искривлено, капитан. Оно... поёт.

— Поёт? — переспросил Харлоу, оторвавшись от своего пульта. — Это метафора, лейтенант?

— Нет, сэр, — Роан покачал головой, глядя на данные. — Это... это похоже на сложную, многомерную структуру. Как будто кто-то взял гравитацию и сплёл из неё кружево. Или паутину. Я никогда такого не видел. База данных флота молчит. Никаких совпадений. Ни одного. Это не имперская технология. Это даже не технология. Это... я не знаю, что это.

Восс встал с кресла и подошёл к навигационной панели, вглядываясь в искаженное изображение на экране. Сигнал шёл из области, официально считавшейся пустотой между звёздными скоплениями. Это было идеальное место для засады, для ловушки, для чего угодно, что не желает быть найденным. И это «что-то» только что включило гравитационный фонарик.

— Лейтенант Кейн, — произнёс он, и в его голосе зазвучала сталь. — Проложите курс к источнику сигнала. Максимальная осторожность. Мы идём туда.

Кейн посмотрела на него, явно колеблясь. Её глаза были широко раскрыты, в них читался страх.

— Сэр, но протокол... Мы должны доложить на базу. Это может быть...

— Это может быть чем угодно, — перебил её Восс. — И именно поэтому мы должны это проверить. Мы — разведка. Наша работа — смотреть, а не прятаться. Кроме того, — он обвёл взглядом притихший мостик, — вы хотите сообщить адмиралу, что мы обнаружили нечто, не поддающееся описанию, и просто прошли мимо?

Он повернулся к рулевому.

— Курс — ноль-три-четыре-Марк-девять. Скорость — одна четверть импульса. Подойти на расстояние визуального контакта. И будьте готовы увести нас оттуда по первому моему слову.

— Есть, капитан, — отозвался рулевой, и корабль плавно повернул нос к неизведанной точке.

«Скиталец» задрожал, когда двигатели изменили вектор тяги. Внутри корабля завывли насосы, перекачивая охлаждающую жидкость. Восс вернулся в своё кресло, но не сел, а остался стоять, вцепившись в подлокотники. Он чувствовал, как по спине пробежал странный холод, предвещавший, что рутинное патрулирование обернётся чем-то необратимым. Это было не предчувствие беды. Это было предчувствие перемены. А перемены, как он знал по опыту, всегда были опасны.

Час тянулся мучительно долго. Мостик молчал, только датчики продолжали свою нервную дробь. Аномалия на экране росла, превращаясь из точки в размытое пятно, которое пульсировало в такт невидимому ритму. Восс смотрел

на неё, и ему казалось, что это пятно смотрит на него в ответ. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он не был суеверным человеком. Он был учёным, военным, капитаном. Но что-то в этой пустоте было не так. Что-то, что заставляло его древние инстинкты, доставшиеся от предков, которые боялись темноты и хищников в ней, вопить об опасности.

— Расстояние — пятьсот тысяч километров, — доложила Кейн, её голос слегка дрожал. — Оптические сенсоры показывают... объект.

— Вывести на главный экран, — приказал Восс.

Изображение на экране сменилось. Сначала ничего нельзя было разобрать — лишь водоворот искажённого света и тьмы. Но потом сенсоры стабилизировались, и Восс, и все, кто был на мостике, замерли.

Приближаясь, они увидели на экранах смутный силуэт, который медленно вращался в лучах далёкой сверхновой. Это был корабль, но не похожий ни на один из зарегистрированных в базе данных флота. Его контуры казались органическими, словно выкованными из сплавов, не знавших человеческой металлургии.

Он был огромен. Длиной, возможно, с километр, он напоминал гигантскую раковину наутилуса, закрученную в спираль. Его корпус не был гладким или угловатым. Он весь состоял из изогнутых, переплетающихся форм, похожих на кости или ветви деревьев, покрытых чем-то вроде перламутровой чешуи. Свет сверхновой отражался от этой поверхности,

создавая иллюзию, что корабль дышит, переливаясь всеми оттенками фиолетового, синего и зеленого. Вдоль его бортов, словно иллюминаторы, светились мягким, пульсирующим светом многочисленные округлые отверстия, расположенные в хаотичном, но в то же время закономерном порядке. Они пульсировали в такт с гравитационным «пением», которое фиксировали сенсоры. Это было не просто свечение. Это была коммуникация. Или сердцебиение. Или и то, и другое.

Он не имел ни двигателей в привычном понимании, ни мостика, ни орудий. Он просто был. И он вращался, медленно и величественно, игнорируя законы инерции, словно вокруг него существовала собственная, крошечная вселенная с иными физическими правилами.

— Боже мой, — прошептал Роан. — Что это за чертовщина?

— Это не имперская технология, — тихо сказал Харлоу, и в его голосе слышалось благоговение, смешанное с ужасом. — Это вообще не человеческая технология. Это... старше. Намного старше. Это как найти живого динозавра в шкафу, капитан. Только динозавр размером с город.

Восс молчал. Он смотрел на чужой корабль, и холод в его спине становился всё сильнее. Он чувствовал себя так, словно заглянул в бездну, и бездна посмотрела на него в ответ. В его голове пронеслась тысяча мыслей. Что это? Откуда он взялся? Он дрейфует или управляем? И самое главное —

враждебен ли он?

Он вспомнил все брифинги, все лекции по ксенологии, все предупреждения о потенциальных угрозах за пределами Империи. Ни одно из них не описывало ничего подобного. Это было нечто совершенно, абсолютно чуждое. Не просто иная форма жизни. Иная логика бытия. Иная история. И, возможно, иное намерение.

— Сэр? — голос Кейн вывел его из оцепенения. — Мы на расстоянии двухсот тысяч километров. Объект не проявляет активности. Никаких излучений, кроме тех, что мы уже зафиксировали. Никаких сигналов. Никаких изменений в траектории.

Восс глубоко вздохнул, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Он должен был быть капитаном. Он должен был быть тем, кто принимает решения.

— Лейтенант Роан, — произнёс он, и его голос, к его удивлению, звучал ровно. — Проведите полное сканирование объекта. Все диапазоны. Я хочу знать, из чего он сделан, что у него внутри и есть ли там кто-то живой. Лейтенант Кейн, приготовьте зонд-разведчик. Дистанционное управление. Я не хочу, чтобы что-то приближалось к этому... кораблю, пока мы не узнаем о нём больше.

— Есть, сэр.

— И, — добавил Восс, помолчав, — отключите все активные системы, кроме самых необходимых. Мы должны быть такими же тихими, как и он. Мы просто наблюдаем. Мы не

трогаем. Мы не светим. Мы не дышим.

Он снова сел в кресло, но теперь оно казалось ему холодным и неудобным. Он смотрел на органический, живой на вид корабль, вращающийся в пустоте, и понимал, что этот момент изменит всё. Их патруль, их карьеры, их жизни — всё это уже не имело значения. Имело значение только одно: что они найдут внутри. Или что найдёт их.

Чужой корабль продолжал свой медленный, гипнотический танец, и в его пульсирующем свете Воссу почудился отблеск чего-то древнего, спящего и, возможно, не очень доброго. Холод, пробежавший по его спине, превратился в ледяной комок в животе. Он понял, что они уже не просто наблюдатели. Они — гости. И они только что постучали в дверь, за которой их никто не ждал.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он потёр ладони друг о друга, пытаясь остановить дрожь.

— Капитан? — тихо спросила Кейн, подойдя к его креслу.
— С вами всё в порядке?

Восс посмотрел на неё. На её молодом, испуганном лице была тревога. Настоящая, человеческая тревога.

— Нет, лейтенант, — сказал он честно. — Не в порядке. И я не думаю, что будет. — Он перевёл взгляд обратно на экран. — Но у нас есть работа. И мы её выполним. Потому что это единственное, что мы умеем.

Он замолчал, глядя на чужой корабль. Тысяча вопросов вертелась у него в голове, но ответов не было. Только пуль-

сирующий свет, медленное вращение и ощущение, что где-то в глубине этого органического лабиринта что-то проснулось. Что-то, что спало очень, очень долго.

И теперь оно смотрело на них.

Глава 2

«Скиталец» вышел на орбиту вокруг загадочного объекта, держа дистанцию в десять километров, и это было одно из самых нервных сближений, которые капитан Элиан Восс когда-либо испытывал за свою двадцатилетнюю карьеру.

Десять километров. В космических масштабах — ничто. Расстояние, которое свет преодолевает за тридцать три микросекунды. Расстояние, на котором любой нормальный корабль уже мог бы открыть огонь, если бы у него были орудия. Расстояние, на котором «Скиталец» был практически голым, незащищённым, уязвимым, как улитка без раковины. Но Восс приказал именно так. Не ближе. Ни в коем случае не ближе. Потому что что-то в этом чужом корабле — что-то в его медленном, гипнотическом вращении, в его пульсирующем свете, в его абсолютной, нерушимой тишине — говорило капитану: не подходи. Не подходи ближе, чем нужно. Не буди спящего.

Манёвр занял почти два часа. Это был медленный, осторожный, почти ритуальный танец. Рулевой, молодой парень по имени Сайлас Вейр, вёл фрегат по широкой дуге, с каж-

дым витком сокращая радиус. Двигатели работали на минимальной тяге, и «Скиталец» двигался почти бесшумно, почти невесомо, как перышко, подхваченное невидимым ветром. Внутри корабля стояла такая тишина, что Восс слышал, как скрипят переборки, как гудит охлаждающая жидкость в трубах, как где-то далеко, в кормовом отсеке, кто-то уронил инструмент и выругался.

— Дистанция — пятьдесят километров, — доложила Кейн, её голос был напряжённым, как натянутая струна. — Сближаемся.

— Двадцать пять.

— Десять. Орбита стабильна.

Восс смотрел на главный экран. Чужой корабль занимал теперь половину обзора, и это было... неправильно. Неправильно в самом фундаментальном смысле этого слова. Он был слишком большим. Слишком близким. Слишком живым.

— Удерживать позицию, — приказал Восс. — Ни на метр ближе.

— Есть, капитан.

Он откинулся в кресле, но расслабиться не мог. Его пальцы барабанили по подлокотнику — тук-тук-тук, — и он заставил себя остановиться. Он не хотел, чтобы экипаж видел его нервозность. Капитан не нервничает. Капитан принимает решения. Капитан ведёт. Но внутри него что-то сжалось в тугую комок, и этот комок пульсировал в такт с чужеродным

светом на экране.

Внешние сканеры выдавали противоречивые данные — корпус корабля состоял из материала, который поглощал радарные волны, словно губка.

— Лейтенант Роан, — позвал Восс. — Что у нас по сканированию?

Роан смотрел на свои данные с выражением человека, который пытается решить уравнение, где все переменные — это знаки вопроса. Его лицо, и без того бледное, приобрело оттенок старого воска.

— Это... бессмысленно, сэр, — сказал он наконец. — Я посылаю сигнал, и он просто... исчезает. Как будто я кричу в колодец, а обратно не приходит даже эхо. Радарные волны поглощаются полностью. Ноль отражения.

— Ноль? — переспросил Харлоу от своего пульта. — Это невозможно. Даже абсолютно чёрное тело отражает хоть что-то. Даже вакуум имеет импеданс.

— Вот именно, сэр, — Роан кивнул. — Вот именно. Это невозможно. Но это происходит. Я перепробовал все частоты — от низкочастотного радио до гамма-диапазона. Результат один и тот же. Сигнал уходит в корпус и.... не возвращается.

— Может, он его рассеивает? — предположила Кейн, обернувшись от навигационной панели. — Как матовое стекло?

— Нет, — Роан покачал головой. — Рассеивание дало бы

хоть какой-то отклик. Это... это, как если бы корпус поглощал энергию. Превращал её во что-то другое. Я не знаю во что. Но я точно знаю, что это не просто пассивная броня. Это активный процесс. Корпус работает.

— Работает? — Восс нахмурился. — Что значит «работает»?

— Я не могу это объяснить, капитан, — Роан развёл руками. — Но у меня такое чувство, что этот корабль... он живой. Не в смысле, что там внутри кто-то есть. А в смысле, что сам корпус — это организм. Он дышит. Он поглощает. Он, возможно, выделяет. Я не знаю. Но он не мёртвый. Это точно.

Восс помолчал, обдумывая это. Живой корабль. Звучало как бред. Как дешёвая научная фантастика из тех книжек, которые он читал в детстве. Но данные были данными, и данные говорили: что-то не так.

— Продолжайте сканирование, — сказал он. — Мне нужны любые крохи информации. Любые.

— Есть, сэр.

Прошло ещё двадцать минут. Мостик гудел от напряжения, как улей. Операторы переговаривались вполголоса, обмениваясь данными, споря, перепроверяя. Кто-то принёс кофе, но никто его не пил. Кружки остывали на панелях, забытые.

Восс смотрел на экран. Чужой корабль вращался медленно, величественно, и его свет — фиолетовый, синий, зелёный — отражался от чёрного корпуса «Скитальца», создавая

на мостике причудливые тени. Тени двигались. Тени жили своей жизнью. Восс поймал себя на том, что следит за ними взглядом, и ему это не понравилось.

Через оптические усилители экипаж разглядел обшивку, более детально чем в первый раз, покрытую узорами, напоминавшими древние письмена.

— Капитан, — позвала Кейн, и в её голосе было что-то новое. Что-то, что заставило Восса немедленно подняться с кресла и подойти к её панели. — Посмотрите на это.

Она вывела изображение на дополнительный экран. Оптические сенсоры, усиленные в тысячу раз, давали теперь разрешение, достаточное, чтобы разглядеть детали корпуса чужого корабля. И эти детали были... Восс не знал, как это описать. Узоры. Тысячи, миллионы узоров, покрывающих каждый сантиметр обшивки. Они не были нанесены краской или гравировкой. Они были частью материала. Как прожилки в листе. Как линии на ладони.

— Это письмена, — тихо сказала Кейн. — Или что-то очень похожее на письмена. Смотрите — вот здесь повторяющийся символ. И здесь. И здесь. Это не случайный узор. Это система. Это язык.

Восс вгляделся. Символы были изогнутые, плавные, текучие, как вода. Они напоминали ему... что? Он напряг память. Что-то из древней истории. Что-то из тех времён, когда человечество ещё не вышло в космос. Клинопись? Иероглифы? Руны? Нет. Ничего из этого. Это было что-то другое.

Что-то, что он никогда не видел, но что отзывалось в глубинах его сознания древним, инстинктивным узнаванием. Как будто он знал этот язык. Как будто он знал его всегда.

— Вы можете его прочесть? — спросил он.

— Нет, — Кейн покачала головой. — Но... — она запнулась.

— Что? Говорите.

— У меня такое чувство, что если я буду смотреть достаточно долго, то смогу, — сказала она, и её голос дрогнул. — Как будто эти символы... они не для глаз. Они для чего-то другого. Для того, что внутри головы. Я не знаю, как это объяснить.

— Не смотрите на них слишком долго, — приказал Восс, и это прозвучало резче, чем он хотел. — Всем операторам — ограничить время работы с оптическими усилителями. Пятнадцать минут максимум, потом перерыв.

— Сэр, — начала Кейн, но он перебил её.

— Это приказ, лейтенант.

Она кивнула. Восс вернулся в кресло, но беспокойство не ушло. Оно росло, как опухоль, как что-то чужеродное, пустившее корни в его сознании. Он вспомнил старую поговорку, которую слышал от деда: «Не смотри в бездну слишком долго, потому что бездна смотрит в ответ». Он никогда не понимал её до этого момента.

Не было видно ни иллюминаторов, ни антенн, ни двигательных сопел в привычном понимании. Корабль казал-

ся монолитом, выточенным из цельного куска метеоритного железа.

— Харлоу, — позвал Восс. — Что у нас по структуре?

Инженер оторвался от своих данных с видом человека, которого только что разбудили посреди ночи.

— Это странно, сэр, — сказал он. — Я имею в виду, странно даже по нашим сегодняшним меркам, а сегодняшние мерки, как вы понимаете, уже давно сломаны.

— Конкретнее.

— Нет швов, — Харлоу развёл руками. — Вообще нет. Ни одного стыка, ни одной сварной линии, ни одной заклёпки. Корпус выглядит как единое целое. Как будто его вырастили, а не построили. Как будто он... отлился. Или вырос. Я не знаю.

— Может, это просто очень хорошая маскировка? — предположил Роан. — Может, швы есть, но они скрыты?

— Исключено, — Харлоу покачал головой. — Я просканировал поверхность на всех доступных частотах. Нет никаких скрытых структур. Нет внутренних полостей, которые можно было бы интерпретировать как коридоры или отсеки. Нет ничего. Это... монолит. Один кусок материала. Один кусок чего-то, что я даже не могу идентифицировать.

— А что это за материал? — спросил Восс.

Харлоу помолчал. Потом вздохнул.

— Я не знаю, сэр, — сказал он. — Спектральный анализ даёт странные результаты. Там есть железо. Есть никель.

Есть углерод. Но есть и элементы, которых не должно быть. Элементы, которые в природе не встречаются в таких сочетаниях. И ещё... — он запнулся.

— Что?

— Там есть что-то ещё, — тихо сказал Харлоу. — Что-то, что не является элементом в привычном смысле. Что-то, что реагирует на мои сканеры так, как будто... как будто оно живое. Я не могу это объяснить, капитан. Но это не просто металл. Это не просто сплав. Это что-то другое.

Восс молчал. Он смотрел на экран, на чужой корабль, на его медленное вращение, на его пульсирующий свет, и чувствовал, как холод в его груди становится всё сильнее. Он не был суеверным человеком. Он не верил в призраков, в проклятия, в злых духов. Но он верил в данные. И данные говорили: это не корабль. Это что-то другое. Что-то, для чего у человечества ещё не было слов.

— Лейтенант Роан, — сказал он наконец. — Подготовьте зонд. Мы отправим его внутрь.

— Внутрь, сэр? — Роан посмотрел на него с сомнением. — Но мы не нашли точки входа. Корпус монолитный.

— Тогда мы сделаем точку входа, — сказал Восс. — Лазерный резак. Малой мощности. Просто чтобы посмотреть, что там внутри.

— Это может быть воспринято как агрессия, — тихо сказала Кейн. — Если корабль... если он действительно живой. Восс посмотрел на неё. Она смотрела на него в ответ, и в

её глазах было что-то, что он не мог прочитать. Страх? Предупреждение? Или что-то ещё?

— Мы не знаем, что это, — сказал он. — Мы не знаем, откуда оно. Мы не знаем, что оно делает здесь. Но мы — разведка. И наша работа — узнать. Если это ошибка, я возьму ответственность на себя. Но мы не уйдём отсюда, ничего не выяснив.

Он помолчал.

— Готовьте зонд. И готовьте шлюпочную команду. Я пойду сам.

Капитан собрал шлюпочную команду из четырёх человек, экипировал их в тяжёлые скафандры с дополнительными магнитными якорями.

Он выбрал их лично, и он выбрал их быстро. Времени на раздумья не было. Времени на сомнения не было. Было только время на действие.

Первым был Харлоу. Инженер, грузный, с руками, покрытыми ожогами, он был не самым приятным человеком на корабле, но он был лучшим в своём деле. Если что-то шло не так с механикой, Харлоу был тем, кто мог это исправить. Или, по крайней мере, объяснить, почему это нельзя исправить. Восс ценил его за это.

— Ты идёшь со мной, — сказал Восс. — Мне нужен кто-то, кто разбирается в металлах.

— Я разбираюсь в металлах, которые мы сами делаем, — проворчал Харлоу. — А это... это не наш металл.

— Поэтому ты и идёшь, — ответил Восс. — Если ты не понимаешь, что это, ты хотя бы сможешь сказать, чем это не является.

Харлоу вздохнул, но кивнул. Он был старше большинства экипажа, и он знал, когда спорить бесполезно.

Второй была доктор Самира Найт, корабельный медик. Женщина лет тридцати пяти, с тёмными волосами, собранными в тугой пучок, и спокойными, внимательными глазами. Она была на «Скитальце» три года, и за это время она видела всё: переломы, ожоги, инфекции, нервные срывы. Она была спокойна, как скала, и Восс знал, что, если что-то пойдёт не так, она не запаникует.

— Доктор, — сказал он. — Мне нужен кто-то, кто сможет оказать медицинскую помощь, если что-то случится. И кто сможет оценить... биологическую составляющую, если она там есть.

— Биологическую? — Найт подняла бровь. — Вы думаете, там может быть жизнь?

— Я не знаю, что там может быть, — честно ответил Восс. — Но я предпочитаю быть готовым ко всему.

Она кивнула.

— Я пойду.

Третьим был сержант Дрейк, начальник службы безопасности. Мужчина лет сорока, с квадратной челюстью, коротко стриженными волосами и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы держать оружие. Он был молчалив,

эффективен и абсолютно лоялен. Восс знал, что, если начнётся драка, Дрейк будет тем, кто прикроет его спину.

— Сержант, — сказал Восс. — Ты идёшь. Возьми станнер и плазменный резак. Но не применяй их без моего приказа.

— Понял, сэр, — ответил Дрейк, и это было всё, что он сказал.

Четвёртым... четвёртым был сам Восс. Он не мог остаться на корабле. Он не мог послать людей туда, куда сам не пошёл бы. Это было его правилом, его кодексом, его способом сохранять хоть какое-то самоуважение в этом забытом богом секторе. Капитан идёт первым. Капитан идёт туда, куда не хочет идти никто другой. Капитан берёт на себя ответственность.

Он надел скафандр сам. Тяжёлый, громоздкий, с дополнительными магнитными якорями на ботинках и перчатках — на случай, если придётся цепляться за поверхность. Скафандр был старым, потёртым, с царапинами и вмятинами. Он пах резиной и потом. Восс надел его, как надевал сотни раз до этого, и всё равно каждый раз это было как залезать в собственную могилу.

— Проверка связи, — сказал он, и его голос прозвучал в шлеме гулко, как в бочке.

— Слышу вас, капитан, — ответила Кейн. — Хорошо и чисто.

— Харлоу?

— Слышу, — проворчал инженер. — Насколько это воз-

можно в этой консервной банке.

— Найт?

— Слышу, — спокойный голос доктора.

— Дрейк?

— Слышу, сэр.

— Хорошо, — Восс сделал глубокий вдох. — Тогда идём.

Шлюзовая камера герметизировалась, и десантная шлюпка отчалила от борта фрегата.

Это был момент, который Восс всегда ненавидел. Момент, когда ты покидаешь безопасность корабля и оказываешься в открытом космосе. Момент, когда между тобой и бесконечной пустотой остаётся только тонкая стенка скафандра. Момент, когда ты понимаешь, насколько ты мал, насколько ты хрупок, насколько ты незначителен.

Шлюпка была маленькой — всего десять метров в длину, четыре в ширину. Она не была предназначена для длительных полётов. Она была предназначена для коротких перелётов между кораблями, для спасательных операций, для разведки. У неё не было ни орудий, ни щитов, ни гипердвигателя. Только двигатели малой тяги, маневровые сопла и кабина, рассчитанная на шесть человек.

Восс сидел в кресле пилота, его руки лежали на рукоятках управления. Харлоу сидел справа, Найт и Дрейк — сзади. В кабине было тесно, жарко и шумно. Вентиляция работала на полную мощность, но воздух всё равно казался спёртым. Пахло горячим металлом и синтетической смазкой.

— Готовы? — спросил Восс.

— Готовы, — ответили они в один голос.

Он нажал на рукоятку, и шлюпка отчалила. Магнитные захваты отпустили корпус «Скитальца», и на мгновение Восс почувствовал головокружение — то самое чувство невесомости, которое никогда не становилось привычным, сколько бы раз он его ни испытывал.

Потом двигатели включились, и шлюпка медленно поплыла вперёд, в темноту.

Чужой корабль рос на глазах. Сначала он был просто пятном на экране, потом — силуэтом, потом — огромной, подавляющей массой, которая заслонила собой половину звёзд. Восс смотрел на него, и ему казалось, что он смотрит на гору. На что-то древнее, массивное, равнодушное. Что-то, что существовало задолго до того, как первые люди научились строить лодки. Что-то, что, как ему казалось, будет существовать и после того, как последний человек превратится в пыль.

Приближаясь к неизвестному судну, они заметили, что его размеры превосходили любой имперский крейсер, хотя масса оставалась на удивлённо малой.

— Это странно, — сказал Харлоу, глядя на данные сканеров. — Очень странно.

— Что именно? — спросил Восс, не отрывая глаз от экрана.

— Размеры, — Харлоу постучал пальцем по дисплею. —

Длина — примерно тысяча двести метров. Ширина — восемьсот. Высота — шестьсот. Это больше, чем любой корабль, который я когда-либо видел. Больше, чем линкоры Империи. Больше, чем всё, что мы строили за всю историю.

— И?

— И масса, — Харлоу посмотрел на него. — Масса — примерно, как у нашего «Скитальца». Триста метров, сорок тысяч тонн. А этот... этот должен весить миллионы тонн. Миллионы, капитан. Но он весит столько же, сколько мы. Это, как если бы вы взяли гору и обнаружили, что она весит как перышко. Это нарушает все законы физики, которые я знаю.

Восс нахмурился.

— Может, сканеры врут?

— Может, — согласился Харлоу. — Но они врут одинаково на всех частотах. И на всех резервных системах. Если это ошибка, то это очень последовательная ошибка.

Восс помолчал. Потом спросил:

— Что это значит?

— Я не знаю, — честно ответил Харлоу. — Но у меня есть теория. Одна. И она мне не нравится.

— Какая?

— Может, этот корабль... не совсем здесь, — сказал Харлоу. — Может, он существует в нескольких местах одновременно. Или в нескольких измерениях. И мы видим только проекцию. Тень. Отражение чего-то большего.

Восс посмотрел на него.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, — Харлоу кивнул. — Но я не знаю, как это объяснить иначе. Физика не работает. Логика не работает. Всё, что мы знаем о вселенной, не работает. Может, пришло время признать, что мы знаем не так много, как думали.

Шлюпка медленно обогнула древний корпус, ища точку входа.

Это было похоже на полёт вокруг горы. На полёт вокруг луны. На полёт вокруг чего-то, что было больше тебя настолько, что ты не мог охватить это взглядом. Корпус чужого корабля тянулся вверх, вниз, в стороны, и его поверхность была покрыта теми самыми узорами — письменами, символами, прожилками. Они двигались. Восс был почти уверен, что они двигались. Медленно, едва заметно, но двигались. Как будто корабль дышал. Как будто он жил.

— Смотрите, — тихо сказала Найт, указывая на экран. — Там. Видите?

Восс посмотрел. На поверхности корпуса, в одном месте, узоры сходились в сложный, запутанный узел. Он пульсировал. Свет внутри него менялся — от фиолетового к синему, от синего к зелёному, от зелёного к фиолетовому. И в этом пульсе было что-то... ритмичное. Что-то, что напоминало сердцебиение.

— Это похоже на... — начала Найт, но не закончила.

— На что? — спросил Восс.

— На нервный узел, — сказала она. — Или на сердце. Или на что-то, для чего у меня нет названия. Но это не случайный узор. Это орган. Функциональная часть. Этот корабль не просто покрыт узорами. Он состоит из них.

Восс сглотнул. Во рту пересохло. Он хотел сказать что-то, но слова не шли. Он просто смотрел на пульсирующий узел, и ему казалось, что он смотрит на что-то, что не предназначено для человеческих глаз.

— Капитан, — голос Дрейка был спокоен, но в нём слышалась напряжённость. — Мы обошли уже три четверти корпуса. Ни одной двери. Ни одного шлюза. Ни одного окна. Если мы не найдём вход скоро, у нас закончится топливо.

Восс кивнул. Он знал это. Он следил за уровнем топлива. У них оставалось меньше часа. Меньше часа, чтобы найти вход. Меньше часа, чтобы принять решение.

— Продолжаем, — сказал он. — Обходим до конца. Если входа нет, возвращаемся и используем резак.

Они продолжили полёт. Молча. Напряжённо. Чужой корабль тянулся и тянулся, бесконечный, как ночной кошмар. И когда Восс уже начал думать, что они никогда не найдут вход, что этот корабль — действительно монолит, созданный для того, чтобы никогда не впускать никого внутрь, Дрейк вдруг сказал:

— Сэр. Смотрите.

Восс посмотрел. И увидел.

На теневой стороне они обнаружили разрыв в обшивке,

словно от взрыва изнутри, и командир принял решение о входе через него.

Разрыв был огромным. Метров тридцать в ширину, может, больше. Края его были рваными, оплавленными, как будто что-то прорвалось изнутри наружу с чудовищной силой. Вокруг разрыва узоры были искажены, разорваны, как паутина, в которую попал камень. И из глубины разрыва шёл свет. Тусклый, пульсирующий, фиолетовый. Тот же самый свет, что и на поверхности, но глубже. Ярче. Живее.

— Это вход, — сказал Восс. — Или выход. В зависимости от того, с какой стороны смотреть.

— Это выглядит... опасно, — сказала Найт. — Края оплавлены. Что-то здесь произошло. Что-то плохое.

— Согласен, — кивнул Восс. — Но это единственный вход, который мы нашли. И у нас мало времени.

Он помолчал, глядя на разрыв. На свет, который пульсировал в глубине. На тьму, которая сгущалась вокруг. На чужой корабль, который медленно вращался, равнодушный к их присутствию, как гора равнодушна к муравью, ползущему по её склону.

— Слушайте все, — сказал он, и его голос был твёрд, как никогда. — Мы входим. Держимся вместе. Не трогаем ничего без приказа. Не отходим друг от друга дальше, чем на пять метров. Если что-то пойдёт не так — немедленно возвращаемся к шлюпке. Это не обсуждается. Это приказ.

Он посмотрел на каждого из них по очереди. На Харлоу,

который выглядел так, будто его сейчас стошнит. На Найт, которая была бледна, но спокойна. На Дрейка, чьё лицо было маской, но чьи руки сжимали какой-то инструмент.

— Вопросы? — спросил Восс.

— Один, — сказала Найт. — Что мы ищем?

Восс посмотрел на разрыв. На свет. На тьму.

— Правду, — сказал он. — Мы ищем правду. Что это за корабль. Откуда он. И почему он здесь. Если мы найдём это, мы сможем вернуться домой и доложить. Если нет... — он не закончил.

— Если нет? — переспросила Найт.

— Если нет, — сказал Восс, — то, возможно, мы никогда не вернёмся домой. Но, по крайней мере, мы попытаемся.

Он взялся за рукоятки управления и направил шлюпку к разрыву. Свет становился ярче. Тьма — гуще. Чужой корабль вращался, и его пульс — или сердцебиение, или что это было — становился всё громче. Восс слышал его не ушами. Он слышал его костями. Он слышал его где-то в глубине себя, в том месте, где живут самые древние, самые тёмные инстинкты.

Шлюпка вошла в разрыв. Свет окутал их. Тьма сомкнулась за ними.

И «Скиталец» — маленький, чёрный, безмолвный — остался ждать снаружи, на орбите вокруг корабля-монолита, который не должен был существовать, но существовал. Корабля, который спал миллионы лет и только что получил

первых гостей за всю свою долгую, долгую историю.

Гостей, которые не знали, что их ждёт внутри.

Глава 3

Внутри брошенного корабля царила абсолютная тишина, нарушаемая только стуком собственного сердца в наушниках скафандра.

Это было первое, что поразило Восса, когда шлюпка прошла сквозь разрыв и оказалась внутри. Тишина. Не просто отсутствие звука — тишина абсолютная, всеобъемлющая, давящая. Тишина, которая была не пустотой, а присутствием. Как будто сам корабль затаил дыхание, наблюдая за ними. Как будто он ждал.

Шлюпка мягко коснулась пола — или того, что служило полом — и двигатели отключились. Восс слышал, как Харлоу рядом с ним выдохнул — длинный, дрожащий выдох, который в наушниках прозвучал как шипение змеи. Найт молчала. Дрейк молчал. Тишина сомкнулась вокруг них, как вода.

— Никого, — прошептал Харлоу, и его голос в наушниках прозвучал громко, почти оглушающе. — Никого нет.

— Тихо, — сказал Восс. — Слушайте.

Они слушали. Минуту. Две. Три. Ничего. Только их дыхание — влажное, ритмичное, живое. Только их сердца — тук-тук-тук, тук-тук-тук. Только гул крови в ушах.

— Я ничего не слышу, — сказала наконец Найт. — Вообще ничего.

— Вот именно, — Восс кивнул. — Это и пугает.

Он отстегнул ремни и поднялся. Скафандр был тяжёлым, громоздким, и каждое движение требовало усилий. Магнитные якоря на ботинках сработали автоматически, притянув его к полу — или к тому, что здесь считалось полом. Пол был гладким, тёмным, чуть тёплым. Восс чувствовал это тепло даже сквозь подошвы скафандра. Оно было слабым, едва заметным, но оно было. Корабль был тёплым. Корабль был живым.

— Выдвигаемся, — сказал он. — Держимся вместе. Оружие наготове, но не стрелять. Фонари включить.

Четыре луча прорезали темноту. Они были яркими, белыми, резкими — и всё равно не могли разогнать мрак полностью. Тьма здесь была густой, как смола, и она отступала неохотно, нехотя, как будто не хотела отпускать то, что скрывала.

Фонари шлемов выхватывали из темноты причудливые конструкции, не похожие ни на машины, ни на архитектуру.

Восс не знал, как это описать. Он пытался подобрать слова, но слова не находились. Это не было похоже ни на что, что он видел раньше. Ни на корабли Империи, ни на здания, ни на заводы, ни на храмы. Это было... другое.

Они стояли в огромном зале — может, тридцать метров в высоту, может, больше. Потолок терялся в темноте, и фона-

ри не доставали до него. Стены — нет, не стены, стенки — изгибались плавными дугами, образуя что-то вроде туннеля, который уходил вглубь, в темноту. И весь этот туннель был покрыт... структурами.

Они росли из стен, как наросты. Как грибы на стволе дерева. Как кораллы на дне океана. Они были разного размера — от кулака до человека — и разной формы — сферические, цилиндрические, спиральные. Они переплетались, соединялись, образовывали сложные, запутанные сети. И все они пульсировали. Слабо, едва заметно, но пульсировали. Свет внутри них менялся — от тёмно-фиолетового к синему, от синего к зелёному. Медленно. Ритмично. Как дыхание.

— Что это? — прошептал Харлоу. Его голос дрожал. — Что это за чертовщина?

— Я не знаю, — ответил Восс. — Но это не машины.

— Не машины, — согласился Харлоу. — Это... это органы. Или что-то вроде того. Это выросло. Это не построено.

— Оно живое? — спросила Найт. Она подошла к одной из структур — сферическому наросту размером с голову — и направила на него фонарь. Структура пульсировала, и внутри неё что-то двигалось. Медленно. Текучи. Как жидкость.

— Не трогайте, — резко сказал Восс. — Ничего не трогайте.

— Я не трогаю, — Найт отступила на шаг. — Я просто смотрю. Но, капитан... это действительно похоже на живое. На биологическое. У него есть... я не знаю... мембрана. И

внутри что-то циркулирует. Как кровь.

— Кровь, — повторил Восс. — Отлично. Просто отлично.

Он посмотрел на Дрейка. Сержант стоял молча, его пистолет был направлен в темноту, и его лицо — то, что было видно через стекло шлема — было спокойным. Слишком спокойным. Как у человека, который отключил эмоции, потому что иначе они его уничтожат.

— Дрейк, — сказал Восс. — Ты что-нибудь чувствуешь?

— Тепло, — ответил Дрейк. — Пол тёплый. Стены тёплые. Воздух... — он помолчал. — Воздух тоже тёплый. Но мы в скафандрах. Мы не должны чувствовать воздух.

Восс нахмурился. Дрейк был прав. Скафандры были изолированы. Они не должны были чувствовать температуру снаружи. Но они её чувствовали. Тепло просачивалось сквозь изоляцию, как будто скафандры были не нужны. Как будто корабль хотел, чтобы они чувствовали его. Знал, что они здесь. Приветствовал их.

— Идём, — сказал Восс. — Осторожно. Медленно. Смотрим под ноги.

Пол под ногами был покрыт слоем пыли, которая при магнитной очистке оказалась органическим осадком, высохшим миллионы лет назад.

Они прошли метров сто — может, больше — прежде чем Восс заметил это. Пыль. Тонкий слой серо-коричневого порошка, который покрывал пол, как снег. Он был везде — на полу, на стенах, на структурах. И когда Восс наступил на

него, он почувствовал, что что-то не так. Пыль была слишком мягкой. Слишком тёплой. Слишком... живой.

— Харлоу, — сказал он. — Возьми образец.

Харлоу опустился на колени — медленно, неуклюже, скафандр не был предназначен для таких движений — и достал из поясной сумки небольшой контейнер. Он собрал немного пыли, потом приложил к ней портативный анализатор. Прибор пискнул, замигал, и на маленьком экране появились данные.

Харлоу смотрел на них долго. Слишком долго.

— Харлоу? — позвал Восс. — Что там?

— Это... — Харлоу сглотнул. — Это органика, капитан. Углерод, водород, кислород, азот. Белки. Липиды. ДНК.

— ДНК? — переспросила Найт, подходя ближе. — Ты уверен?

— Уверен, — Харлоу кивнул. — Но это не человеческая ДНК. И не ДНК известных нам организмов. Это... другая. Совсем другая. Другая структура, другой код, другие основания. Но это ДНК. Это генетический материал.

— Живой? — спросил Восс.

— Нет, — Харлоу покачал головой. — Мёртвый. Высохший. Окаменевший. Этому образцу... — он посмотрел на данные. — Этому образцу миллионы лет. Может, десятки миллионов. Это не просто пыль. Это останки. Это то, что осталось от... от чего-то.

— От чего? — тихо спросила Найт.

Харлоу посмотрел на неё.

— От того, что здесь жило, — сказал он. — От того, что было здесь до нас. Задолго до нас. Задолго до того, как первые люди научились ходить. Это... это не корабль. Это могила. Огромная, древняя могила.

Восс молчал. Он смотрел на пыль под ногами, и ему казалось, что он стоит на костях. На миллионах, миллиардах костей. На останках чего-то, что было здесь, когда мир был молодым. Когда звёзды были другими. Когда человечество ещё не существовало.

— Идём дальше, — сказал он, и его голос был твёрд. — Мы не можем ничего изменить. Мы можем только узнать.

Стены пульсировали слабым биолюминесцентным светом, словно корабль всё ещё был жив, но впал в спячку.

Они шли по туннелю, и свет вокруг них менялся. Он не был ярким — скорее сумеречным, как свет луны сквозь облака. Но он был. Он исходил от стен, от пола, от потолка. От структур, которые росли из стен. Они пульсировали в унисон, как одно огромное сердце, и их свет отражался от скафандров, от шлемов, от забрал. Люди шли в этом свете, и он окрашивал их лица в странные цвета — фиолетовый, синий, зелёный.

— Это красиво, — тихо сказала Найт. — Страшно, но красиво.

— Красиво, — согласился Восс. — Как красива бездна. Как красив хищник перед прыжком.

— Вы всегда такой оптимистичный? — спросила Найт, и в её голосе была слабая, нервная усмешка.

— Только когда я нахожусь в корабле, который не должен существовать, — ответил Восс. — В остальное время я просто кошмар.

Харлоу хмыкнул. Дрейк не издал ни звука. Они шли дальше.

Туннель расширялся. Стены отступали, и они оказались в новом зале — ещё больше, чем первый. Здесь структуры были выше, массивнее. Некоторые из них поднимались до потолка, образуя колонны, арки, своды. Это было похоже на собор. На храм, построенный не людьми, а чем-то другим. Чем-то, что имело иное представление о красоте. Иное представление о пространстве. Иное представление о жизни.

— Смотрите, — сказала Найт, указывая вверх.

Восс поднял голову. И увидел кристаллы.

Команда двигалась осторожно, привязываясь к перилам из неизвестного материала, который ощущался тёплым даже сквозь перчатки.

Перила — или то, что служило перилами — тянулись вдоль стен, вдоль пола, вдоль потолка. Они были сделаны из чего-то, что напоминало кость — гладкой, тёплой, чуть светящейся. Восс взялся за одно из них, и тепло прошло сквозь перчатку, сквозь скафандр, прямо в его руку. Оно было живым. Оно было... приятным. Как рука друга. Как объятие.

— Оно тёплое, — сказал он.

— Я знаю, — ответила Найт. — Я чувствую.

— Я тоже, — сказал Харлоу. — И это меня пугает.

— Почему? — спросил Восс.

— Потому что мы в скафандрах, — сказал Харлоу. — Мы не должны ничего чувствовать. Но мы чувствуем. Это значит, что скафандры не работают. Или что этот корабль... он влияет на нас. Он проходит сквозь нас. Он... — он замолчал.

— Он что? — спросил Восс.

— Он нас касается, — сказал Харлоу. — Не физически. Но касается. Я не знаю, как это объяснить. Но я чувствую, что он нас касается.

Восс посмотрел на свои руки. На перчатки. На тёплый материал под ними. И ему показалось, что он чувствует что-то ещё. Что-то помимо тепла. Что-то, что было глубже. Что-то, что было в его голове.

— Не отпускайте перила, — сказал он. — Держитесь. Идите медленно. Если почувствуете что-то странное — говорите.

Они пошли дальше. Медленно. Осторожно. Держась за тёплые перила, которые вели их вглубь корабля. Вглубь тьмы. Вглубь чего-то, что ждало их.

Они проходили через залы, где подвешенные в невесомости кристаллы издавали едва слышимый гул.

Зал был огромным. Потолок терялся в темноте, и фонари не могли его достичь. Но кристаллы — они были везде. Они висели в воздухе, как звёзды, как светлячки, как осколки че-

го-то, что разбилось миллионы лет назад. Они были разного размера — от кулака до человека — и разной формы — остроконечные, округлые, многогранные. Они светились изнутри — мягким, пульсирующим светом. И они гудели. Едва слышно. На грани восприятия. Но гул был. Он проникал в скафандры, в шлемы, в кости. Он был как песня. Как молитва. Как что-то, для чего у Восса не было слов.

— Что это? — прошептала Найт. — Что это такое?

— Кристаллы, — сказал Харлоу. — Но не такие, как мы знаем. Не минералы. Что-то другое. Что-то... — он запнулся.

— Живое? — подсказал Восс.

— Может быть, — Харлоу кивнул. — Может быть, они живые. Может быть, это их способ... существовать. Может быть, это их способ думать. Или общаться. Или спать.

— Спать? — переспросил Восс.

— Они не двигаются, — сказал Харлоу. — Они просто висят. И светятся. И гудят. Как будто... как будто они ждут. Как будто они спят и видят сны.

Восс смотрел на кристаллы. На их свет. На их гул. И ему казалось, что он слышит что-то в этом гуле. Что-то знакомое. Что-то, что он знал. Что-то, что он забыл. Как будто кристаллы пытались ему что-то сказать. Что-то важное. Что-то, что он должен был понять.

— Не слушайте, — резко сказал он. — Не слушайте гул. Это может быть... — он не знал, что это может быть. — Просто не слушайте.

— Как мы можем не слушать? — спросила Найт. — Он везде.

— Сосредоточьтесь на другом, — сказал Восс. — На дыхании. На шагах. На чём угодно. Просто не слушайте.

Они пошли дальше. Кристаллы остались позади. Но гул не исчез. Он остался в их головах. Как эхо. Как воспоминание. Как что-то, что они не могли забыть, даже если бы захотели.

В одном из отсеков разведчики нашли останки экипажа, но не человеческие — спрессованные фигуры из минералов, словно их тела превратились в камень за мгновение.

Отсек был небольшим — метров десять в диаметре. Стены здесь были гладкими, без структур, без наростов. И в центре, на полу, лежали они.

Восс сначала не понял, что видит. Фигуры. Окаменевшие. Спрессованные. Они лежали на полу, как статуи, как изваяния, как что-то, что было создано скульптором с большим воображением. Но это не были статуи. Это были тела. Тела существ, которые когда-то были живыми. Которые ходили, дышали, думали. Которые, возможно, были такими же исследователями, как они. Которые пришли сюда миллионы лет назад и никогда не ушли.

— Боже мой, — прошептала Найт. — Боже мой.

Она опустилась на колени рядом с одной из фигур. Фигура была... гуманоидной. Две руки, две ноги, голова. Но пропорции были другими. Слишком длинные конечности. Слишком большая голова. Слишком тонкие пальцы. И ли-

цо... лицо было застывшим в выражении, которое Восс не мог прочесть. Ужас? Удивление? Может быть, принятие. Может быть, что-то ещё.

— Они превратились в камень, — сказала Найт. — Мгновенно. Как будто... как будто что-то высосало из них всю влагу. Всю жизнь. Всё.

— Что это было? — спросил Восс.

— Я не знаю, — Найт покачала головой. — Но это не было насилием. Нет следов борьбы. Нет ран. Они просто... остановились. И стали камнем.

— Сколько их? — спросил Восс.

— Двенадцать, — сказал Дрейк. Он уже обошёл отсек, пересчитал. — Двенадцать тел. Все в одинаковых позах. Все повернуты головами в одну сторону.

— В какую? — спросил Восс.

Дрейк показал. В глубину корабля. Туда, куда они шли. Туда, где, согласно сканерам, находился объект с плотной энергетической подписью.

— Они шли туда, — сказал Восс. — Они шли туда, и что-то случилось. Что-то, что убило их всех. Мгновенно.

— Или они сами это сделали, — тихо сказала Найт. — Может быть, они знали, что не вернуться. Может быть, они хотели остаться здесь. Навсегда.

— Как памятники, — сказал Харлоу. — Как предупреждение.

— Или как приглашение, — сказал Восс. — Идём дальше.

Капитан приказал собрать образцы и продолжать движение к центру корабля, где, согласно сканерам, находился объект с плотной энергетической подписью.

— Найт, — сказал Восс. — Собери образцы. Волосы, если есть. Кожу, если сохранилась. Всё, что сможешь. Но быстро. У нас мало времени.

— Есть, — Найт открыла свою сумку и достала инструменты. Она работала быстро, профессионально. Скальпель, пинцет, контейнеры. Она взяла образец с одной из фигур — кусочек окаменевшей плоти, если это можно было назвать плотью. Потом ещё один. Потом ещё.

— Харлоу, — продолжил Восс. — Ты уверен, что сканеры показывают центр?

— Да, — Харлоу кивнул. — Энергетическая подпись усиливается. Мы близко. Может, сто метров. Может, меньше.

— Что там?

— Я не знаю, — Харлоу посмотрел на данные. — Но это... это не просто энергия. Это что-то структурированное. Организованное. Как будто там... как будто там сердце.

— Сердце, — повторил Восс. — Корабль с сердцем.

— Мы уже видели органы, — сказала Найт, не отрываясь от работы. — Почему бы и не сердце?

— Потому что это означает, что корабль жив, — сказал Восс. — А если он жив, то он может... — он замолчал.

— Что? — спросила Найт.

— Проснуться, — сказал Восс.

Тишина. Они смотрели друг на друга. Потом на тела. На окаменевшие фигуры, которые шли туда же, куда шли они. Которые, возможно, тоже хотели найти сердце. Которые, возможно, его нашли.

— Мы всё ещё идём? — тихо спросил Харлоу.

Восс посмотрел на него. Потом на Дрейка. Потом на Найт. Потом на тела.

— Да, — сказал он. — Мы идём. Мы должны узнать, что это. Мы должны понять, почему эти существа погибли. И мы должны убедиться, что это не повторится с нами.

— А если повторится? — спросил Харлоу.

— Тогда, по крайней мере, мы будем знать, что это, — сказал Восс. — И, возможно, сможем предупредить других. Чтобы никто больше не пришёл сюда. Чтобы никто больше не превратился в камень.

Он посмотрел на тела ещё раз. На их застывшие лица. На их протянутые руки, которые указывали в глубину корабля. В глубину тьмы. В глубину чего-то, что ждало их.

— Идём, — сказал он. — И будьте готовы ко всему.

Глава 4

Центральный зал этого корабля открылся перед ними как огромная сфера, стены которой были испещрены геометрическими узорами, менявшими цвет при приближении людей.

Восс понял, что они дошли, ещё до того, как увидел сам зал. Туннель, по которому они шли, начал расширяться — сначала медленно, потом всё быстрее, — и стены, которые ещё минуту назад были в нескольких метрах друг от друга, вдруг отступили, растворились, исчезли. И тогда перед ними открылось пространство.

Это была сфера. Идеальная. Огромная. Метров пятьдесят в диаметре, может, больше. Восс не мог точно сказать — его глаза отказывались верить в то, что видели. Сфера была настолько правильной, настолько геометрически совершенной, что казалась не созданной, а вычисленной. Как будто кто-то взял математическое уравнение и превратил его в камень.

Стены — нет, поверхность сферы — были покрыты узорами. Тысячами, миллионами узоров. Геометрических. Точных. Идеальных. Треугольники, квадраты, шестиугольники, спирали, фракталы — они переплетались, соединялись, образовывали сложные, запутанные структуры, которые не имели ни начала, ни конца. И они меняли цвет. Медленно, плавно, как масло на поверхности воды. Когда Восс сделал шаг вперёд, узоры рядом с ним вспыхнули ярко-синим. Когда он отступил, они стали фиолетовыми. Когда он повернул голову, они позеленели. Они реагировали на него. Они знали, что он здесь.

— Это... — Харлоу замолчал. Он не мог подобрать слов.
— Это...

— Я знаю, — сказал Восс. — Я знаю.

— Что это? — прошептала Найт. — Что это за место?

— Центр, — сказал Восс. — Мы дошли до центра.

Он посмотрел на сканеры. Энергетическая подпись была здесь. Прямо здесь. В центре сферы. В самом сердце корабля. И она была... огромной. Подавляющей. Она пульсировала, как живое сердце, и её ритм совпадал с ритмом узоров на стенах. Совпадал с ритмом их собственных сердец.

— Осторожно, — сказал Восс. — Все остаёмся здесь. Я иду один.

— Капитан, — начала Найт, но он перебил её.

— Это приказ, доктор. Если что-то случится со мной, вы немедленно возвращаетесь к шлюпке. Это не обсуждается.

Он не стал ждать ответа. Он пошёл вперёд, в центр сферы, туда, где, согласно сканерам, находился источник энергии.

В самой середине, паря над пьедесталом из чёрного камня, находился предмет размером с человеческий череп. Он не отражал свет, а поглощал его, создавая вокруг себя едва заметную воронку видимости.

Восс увидел его, когда до центра оставалось метров десять. И остановился.

Предмет парил в воздухе. Он не был подвешен, не был прикреплён, не был ни на чём закреплён. Он просто висел — в полуметре над пьедесталом из чёрного камня, — и вокруг него было что-то странное. Пространство вокруг предмета казалось... неправильным. Искажённым. Как будто свет, проходя рядом с ним, изгибался, закручивался в спираль, исче-

зал. Воронка. Едва заметная, но она была. Восс видел, как звёздный свет — тот, что проникал сюда через трещины в корпусе, через разрывы, через миллионы лет забвения, — искривлялся, затягивался внутрь, исчезал. Предмет поглощал свет. Не отражал, не преломлял, не рассеивал. Поглощал. Как чёрная дыра. Как бездна. Как что-то, что не должно существовать в этом мире.

Пьедестал был таким же странным. Чёрный камень — гладкий, отполированный, без единой трещины или скола. Он был квадратным, метра два в ширину, и его поверхность была настолько тёмной, что казалась не материей, а отсутствием материи. Провалом в пространстве. Дырой в реальности. Восс смотрел на него, и ему казалось, что он смотрит в колодец. В колодец без дна. В колодец, который смотрит в ответ.

— Капитан, — голос Харлоу в наушниках. — Что там?

— Пока не знаю, — ответил Восс. — Стойте на месте. Я подхожу.

Он подошёл ближе. Ещё на пять метров. Ещё на три. Ещё на два. Теперь он стоял прямо перед пьедесталом. Прямо под парящим предметом. И он видел его. Видел так чётко, как никогда ничего не видел.

Предмет был размером около 20 см. Может, чуть больше. Может, чуть меньше. Он был идеально гладким. Идеально. На его поверхности не было ни царапин, ни швов, ни неровностей. Ничего. Только абсолютная, безупречная гладкость.

Как будто его отполировали в течение миллиардов лет. Как будто его выточили из чего-то, что никогда не знало несовершенства.

И он был холодным. Восс поднял руку — медленно, осторожно — и его скафандр тут же зафиксировал резкий скачок энергии, хотя сам предмет оставался холодным.

— Капитан, — голос Харлоу был резким, напряжённым. — Ваши показатели... они скачут. Что происходит?

— Я ещё не коснулся, — ответил Восс. — Я просто рядом.

— Ваш скафандр фиксирует... — Харлоу замолчал, потом продолжил: — Это невозможно. Энергия идёт от вас, не к вам. Вы излучаете. Как будто... как будто вы сами стали источником.

Восс посмотрел на свой скафандр. На дисплей на запястье. Данные скакали, как сумасшедшие. Энергия, температура, радиация — всё было в норме, но что-то было не так. Что-то, что не поддавалось измерению. Что-то, что было за пределами приборов.

— Я не чувствую ничего, — сказал он. — Рука холодная. Воздух холодный. Всё нормально.

— Это не нормально, капитан, — сказала Найт. — Ваш пульс — сто восемьдесят. Ваше давление — сто восемьдесят на сто двадцать. Вы в состоянии гиперстимуляции. Ваше тело реагирует на что-то, чего мы не видим.

Восс посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были спокойны. Но внутри, где-то глубоко, он чувствовал что-то.

Что-то, что нарастало. Что-то, что было похоже на... ожидание. Как будто он ждал этого всю жизнь. Как будто он всегда знал, что найдёт это.

Артефакт был гладким, с идеальной поверхностью, на которой не было ни царапин, ни швов.

Он смотрел на него. На эту гладкость. На эту пустоту. На эту поверхность, которая не отражала ничего, потому что поглощала всё. И он думал о том, сколько лет этому предмету. Сколько тысяч, миллионов, миллиардов лет он висит здесь, в центре этого корабля, в центре этой сферы, в центре этой тьмы. Ждёт. Ждёт кого-то. Ждёт его.

— Что ты? — прошептал Восс. — Что ты такое?

Артефакт не ответил. Он просто висел. Просто поглощал свет. Просто был.

Восс не планировал касаться. Он хотел просто посмотреть. Изучить. Понять. Но его рука двигалась сама. Медленно. Плавно. Как будто кто-то другой управлял ею. Как будто что-то тянуло её вперёд. Что-то, чему он не мог сопротивляться. Что-то, чему он не хотел сопротивляться.

Его пальцы — в толстых перчатках скафандра — коснулись поверхности артефакта.

И мир изменился.

Сначала был звук. Мелодия. Она появилась в его шлеме — не снаружи, не через наушники, а внутри. В его голове. В его костях. В его крови. Это был хор. Голоса. Многие. Сотни. Тысячи. Они пели. Не словами. Звуками. Нотами, которых

не существует в человеческой музыке. Мелодия была странной, чужеродной, но в то же время... знакомой. Как будто он слышал её раньше. Как будто он знал её всю жизнь. Как будто она была частью его.

И голоса. Они пели на языке, у которого не было гласных. Только согласные. Только шипение, свист, щелчки. Только звуки, которые человеческое горло не могло воспроизвести. Но Восс понимал их. Не словами. Чувствами. Образами. Мыслями, которые не были его собственными.

Ты пришёл.

Мы ждали.

Мы ждали долго.

Мы ждали тебя.

Восс хотел отнять руку. Хотел отступить. Хотел закричать. Но не мог. Его тело не слушалось. Его рука была приклеена к артефакту. Его глаза были прикованы к поверхности. Его разум был... не его.

Экипаж замер, поражённый необъяснимым эффектом. Артефакт начал медленно вращаться, и на его поверхности проступили точки света, укладывающиеся в узнаваемые, но чужеродные символы.

— Капитан! — крик Харлоу. — Капитан, что происходит?!

Восс не ответил. Он не мог. Он смотрел на артефакт, и артефакт смотрел на него. Точки света. Они появлялись на поверхности. Одна за другой. Медленно. Ритмично. Как звёз-

ды на ночном небе. Как огни города. Как жизнь, зарождающаяся из ничего. И они складывались. В символы. В знаки. В письмена.

Это был тот же язык. Тот же, что на стенах корабля. Тот же, что на корпусе. Тот же, что на телах окаменевших существ. Но здесь он был живым. Здесь он двигался. Здесь он говорил. Восс смотрел на символы, и он понимал их. Не разумом. Не логикой. Чем-то другим. Чем-то, что было глубже. Чем-то, что было древнее.

Ты — ключ.

Ты — дверь.

Ты — путь.

Мы ждали тебя.

Мы спали.

Ты разбудил нас.

Восс чувствовал, как что-то меняется внутри него. Как что-то просыпается. Что-то, что спало долго. Что-то, что было частью его, но о чём он не знал. Что-то, что было заложено в него ещё до рождения. До зачатия. До начала времён.

— Капитан! — голос Найт. — Ваш пульс — двести! Вы в опасности! Отпустите артефакт!

— Я не могу, — прошептал Восс. — Я не могу.

— Что значит «не могу»?! — Харлоу. — Просто уберите руку!

— Я не могу, — повторил Восс. — Он не отпускает.

Артефакт вращался. Медленно. Величественно. Точки

света складывались в узоры. Узоры складывались в картины. Картины складывались в... что-то. Что-то, что Восс не мог описать. Что-то, что было больше, чем он. Больше, чем человечество. Больше, чем всё, что он знал.

Он видел звёзды. Миллиарды звёзд. Галактики. Туманности. Он видел рождение и смерть миров. Он видел существа, которые жили и умирали. Он видел войны и мир. Он видел любовь и ненависть. Он видел всё. Всё, что было. Всё, что есть. Всё, что будет.

И он видел их. Существа, которые построили этот корабль. Существа, которые создали этот артефакт. Существа, которые спали здесь миллионы лет. Они были... красивыми. И ужасными. Они были... живыми. И мёртвыми. Они были... всем. И ничем.

Мы — древние.

Мы — первые.

Мы — последние.

Мы ждали тебя.

Восс чувствовал, как слёзы текут по его щекам. Он не плакал. Он не мог плакать. Но слёзы были. Они были горячими. Они были настоящими. Они были... его.

— Капитан! — голос Дрейка. — Капитан, ответьте!

— Я... — Восс с трудом говорил. — Я вижу... я вижу всё...

— Что вы видите?! — Харлоу. — Что происходит?!

— Они... — Восс замолчал. Он смотрел на артефакт. На точки света. На символы. На картины. — Они ждали нас.

Они ждали... меня.

Артефакт остановился. Точки света погасли. Символы исчезли. Мелодия стихла. И в тишине — абсолютной, всеобъемлющей, давящей — Восс услышал свой собственный голос. Свой собственный шёпот.

— Я держу в руках ключ.

Он посмотрел на артефакт. На его гладкую, идеальную поверхность. На его чёрную, поглощающую пустоту. И он понял.

Капитан понял, что держит в руках не просто древность, а ключ к чему-то невообразимо масштабному.

Глава 5

Капитан Восс забрал артефакт с собой и вернулся на корабль, и это решение он принял не разумом, а чем-то другим. Чем-то, что было глубже разума. Чем-то, что сидело в его костях, в его крови, в его древнем, рептильном мозгу, который знал только одно: возьми это. Возьми, пока можешь. Возьми, пока оно не проснулось окончательно.

Он не помнил, как вышел из центральной сферы. Не помнил, как шёл по туннелям, мимо окаменевших тел, мимо кристаллов, мимо пульсирующих стен. Не помнил, как добрался до шлюпки. Он помнил только руки Харлоу на своих плечах, голос Найт в наушниках — резкий, обеспокоенный, — и ощущение артефакта в перчатках. Тяжёлого. Холодно-

го. Чужого.

Он нёс его, прижав к груди, как ребёнка. Как бомбу. Как что-то, что нельзя ронять.

— Капитан, — Харлоу. — Капитан, что вы делаете?

— Забираю, — ответил Восс, и его голос звучал странно. Спокойно. Слишком спокойно. — Мы не можем оставить его здесь.

— Мы не можем забрать его! — Харлоу повысил голос. — Это... это не наше! Это принадлежит этому месту!

— Оно ждало нас, — сказал Восс. — Оно ждало меня. И теперь оно пойдёт со мной.

— Это безумие! — Харлоу схватил его за руку. — Капитан, послушайте себя! Это не вы! Это артефакт говорит через вас!

Восс посмотрел на него. И Харлоу отшатнулся. Что-то было в глазах капитана. Что-то, что не было человеческим. Что-то, что было древним. Что-то, что было... чужим.

— Это моё решение, — сказал Восс. — И мы уходим.

Он не стал слушать возражения. Он пошёл к шлюпке, и его команда — Харлоу, Найт, Дрейк — последовала за ним. Они не спорили. Они не могли спорить. Потому что что-то в голосе Восса, что-то в его глазах, что-то в его осанке говорило им: это не обсуждается. Это уже решено. Кем-то. Чем-то.

Обратный путь занял меньше времени. Может, потому что они торопились. Может, потому что корабль отпускал их. Может, потому что он хотел, чтобы они ушли. Чтобы они

забрали артефакт. Чтобы они отнесли его туда, куда он должен был попасть.

Шлюпка отчалила от чужого корабля через двадцать минут. Внутри неё было тесно, жарко и тихо. Восс сидел в кресле пилота, и артефакт лежал у его ног, в специальном контейнере, который Харлоу соорудил на скорую руку из подручных материалов. Контейнер был простым — металлический ящик, обёрнутый в изолирующую плёнку, — но он должен был блокировать любые сигналы.

Поместил артефакт в специальный контейнер, который изолировал все сигналы и не выпускал их наружу. Команда не верила, что это сработает, но контейнер действительно помог, сигналы от артефакта не пропали полностью, но стали почти незаметны.

— Это не сработает, — сказал Харлоу, когда Восс опустил артефакт в контейнер. — Ничто не может блокировать то, что мы видели. Это не радиация. Не электромагнетизм. Это что-то другое.

— Тогда мы хотя бы попробуем, — ответил Восс.

Он закрыл крышку. Защёлкнул замки. Обмотал контейнер изолирующей плёнкой. Потом ещё одним слоем. Потом ещё одним. Когда он закончил, контейнер был похож на кокон.

Сначала ничего не произошло. Артефакт молчал. Его сигнал — тот самый, что сводил с ума датчики, что заставлял сканеры сходить с ума, — исчез. Или почти исчез. Осталась

только слабая, едва заметная пульсация. Как далёкое эхо. Как воспоминание о звуке.

— Он всё ещё там, — сказала Найт, глядя на показатели.

— Я всё ещё его чувствую. Слабо. Но чувствую.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Восс.

— Это не лучше, — Харлоу покачал головой. — Это как накрыть вулкан одеялом. Рано или поздно он прорвётся.

— Тогда мы должны добраться до базы раньше, чем это случится, — сказал Восс. — Рулевой, курс на «Титан». Максимальная скорость.

Фрегат «Скиталец» срочно с данной находкой рванул на базу.

Прыжок в гиперпространство был долгим. Три дня. Три дня в замкнутом пространстве, с артефактом в трюме, с ощущением, что что-то не так. Экипаж не спал. Не мог спать. Люди ходили по коридорам, как призраки, и их лица были бледными, а глаза — пустыми. Они не говорили об артефакте. Они не говорили ни о чём. Они просто ждали.

Восс сидел в своей каюте. Он не спал. Он смотрел на стену. На металлическую стену, покрытую царапинами и следами от старой краски. И он думал.

Он думал о голосах. О тех, что пели в его голове. Ты — ключ. Ты — дверь. Ты — путь. Что это значило? Что он должен был открыть? Что он должен был найти? Что он должен был сделать?

Он думал о своих людях. О сорока двух жизнях, которые

были в его руках. О их страхах. О их надеждах. О их будущем. Он думал о том, что он привёл их сюда. Что он нашёл артефакт. Что он забрал его. Что он нёс его на базу. И он думал: правильно ли он поступил?

Он не знал ответа. Он не знал, что правильно. Он не знал, что неправильно. Он знал только одно: он должен был это сделать. Что-то вело его. Что-то направляло. Что-то, что было старше его. Старше человечества. Старше всего.

На третий день они вышли из гипера. «Титан» был прямо по курсу.

Фрегат «Скиталец» вернулся на базу «Титан» в секторе Ориона, и артефакт немедленно попал под гриф «совершенно секретно».

«Титан» был одной из крупнейших баз Империи. Огромная станция, вращающаяся вокруг газового гиганта, она была домом для двадцати тысяч человек — военных, учёных, инженеров, чиновников. Здесь решались судьбы секторов. Здесь принимались решения, которые влияли на миллиарды жизней.

И здесь, в одном из самых защищённых отсеков, должен был оказаться артефакт.

Встреча была холодной. Восс ожидал этого. Как только «Скиталец» вошёл в док, к нему подошли люди в чёрной форме — не военные, не учёные. Что-то другое. Что-то, что не имело названия. Они не представились. Они не задавали вопросов. Они просто взяли контейнер с артефактом и

ушли.

— Капитан Восс? — один из них, высокий мужчина с пустыми глазами, повернулся к нему. — Вы и ваш экипаж должны пройти со мной.

— Куда? — спросил Восс.

— В карантин, — сказал мужчина. — Это стандартная процедура. Вы были в контакте с инопланетным объектом. Вы должны быть изолированы. Таков протокол на данные случаи.

— Насколько долго?

— Столько, сколько потребуется.

Капитана Восса и его команду изолировали от всех и поместили в карантин, так как он был первым человеком, вступившим в контакт с инопланетной расой.

Карантин был белым. Белые стены. Белый потолок. Белый пол. Белые кровати. Белые халаты. Всё белое, стерильное, безликое. Как больница. Как тюрьма.

Восс сидел на кровати и смотрел в стену. Рядом с ним были Харлоу, Найт, Дрейк. Они молчали. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели в стены. В белые, пустые, бесконечные стены.

— Сколько мы здесь? — спросил Харлоу через несколько часов — или дней, Восс не знал. Время здесь текло странно. Оно текло медленно. Оно текло быстро. Оно текло не так, как должно было.

— Не знаю, — ответил Восс.

— Они хотя бы говорят с нами?

— Нет.

— Они хотя бы объясняют, что происходит?

— Нет.

Харлоу замолчал. Потом сказал:

— Я не должен был идти с вами. Я не должен был касаться этого проклятого корабля. Я не должен был...

— Ты не касался, — сказал Восс. — Ты просто был там. Мы все просто были там. Это не твоя вина.

— А чья? — Харлоу посмотрел на него. — Ваша?

Восс не ответил. Он не знал ответа. Он не знал, чья это вина. Может, его. Может, ничья. Может, это вообще не было виной. Может, это было судьбой.

— Мы не должны были забирать артефакт, — тихо сказала Найт. — Мы должны были оставить его там. На корабле. Где он был.

— Он ждал нас, — сказал Восс.

— Откуда вы знаете? — Найт посмотрела на него. — Откуда вы знаете, что он ждал именно нас? Может, он ждал кого-то другого. Может, мы просто... просто случайно оказались там.

— Нет, — Восс покачал головой. — Это не случайность. Это... — он замолчал. Он не мог объяснить. Он не мог найти слов. — Я чувствовал это. Когда я коснулся его. Я чувствовал, что он ждал. Ждал меня.

— Это не доказательство, — сказала Найт.

— Я знаю, — ответил Восс. — Но это всё, что у меня есть.

Дни шли. Или часы. Или недели. Восс не знал. Время в карантине было странным. Оно было как вода — текло, но не оставляло следов. Он спал. Он ел. Он смотрел в стену. Он ждал.

Иногда приходили люди в белых халатах. Они брали кровь. Они брали мазки. Они задавали вопросы. Одни и те же вопросы. Снова и снова. Что вы видели? Что вы чувствовали? Что вы слышали? Восс отвечал. Он рассказывал всё. О корабле. О телах. О кристаллах. О голосах. О артефакте. Он рассказывал это снова и снова, пока слова не потеряли смысл, пока они не стали просто звуками, просто шумом, просто пустотой.

Люди в белых халатах кивали. Они записывали. Они уходили. И Восс оставался один. С белыми стенами. С белым потолком. С белым полом. С белым шумом в голове.

А потом про них постепенно все забыли.

Далее все работы с артефактом шли уже без них.

В изолированной лаборатории под семью слоями защиты собрались лучшие умы Империи — ксенобиологи, квантовые физики, лингвисты древних языков.

Лаборатория находилась в самом сердце «Титана». Она была построена специально для этого. Семь слоёв защиты: физическая броня, электромагнитные щиты, гравитационные стабилизаторы, квантовые изоляторы, биологические фильтры, психологические барьеры и — последний, самый

важный слой — полная изоляция от внешнего мира. Никаких сигналов внутрь. Никаких сигналов наружу. Только наука. Только исследования. Только правда.

Лучшие умы Империи собрались здесь. Двадцать три человека. Ксенобиологи, которые изучали жизнь за пределами известного космоса. Квантовые физики, которые работали с теориями, не имеющими названия. Лингвисты, которые расшифровывали мёртвые языки, забытые цивилизации, исчезнувшие культуры. Все они были здесь. Все они хотели знать. Все они хотели понять.

Доктор Мирейн Стоун, ведущий ксенолингвист, провела три недели, записывая изменение символов на поверхности объекта в ответ на раздражители.

Мирейн Стоун было сорок два года, и она была красива той красотой, которая не бросается в глаза сразу. Тёмные волосы до плеч. Серые глаза, внимательные и острые, как скальпель. Тонкие черты лица. Высокий лоб. Губы, которые редко улыбались, но, когда улыбались — улыбались искренне. Она была одета в простой белый халат, и на её руках были перчатки — тонкие, латексные, стерильные. Она выглядела как учёный. Как женщина, которая посвятила свою жизнь знанию. Как человек, который не боится неизвестного.

Она сидела перед артефактом. Артефакт лежал на специальном столе — прозрачном, изолированном, защищённом. Он был чёрным. Гладким. Идеальным. И он молчал. Но Мирейн знала, что он не молчит. Он просто ждёт. Она чувство-

вала это. Она чувствовала, что он смотрит на неё. Хотя у него не было глаз. Хотя он был просто предметом. Просто камнем. Просто чем-то, что не должно было существовать.

Три недели. Двадцать один день. Пятьсот четыре часа. Мирейн сидела перед артефактом и записывала. Каждое изменение. Каждую вспышку. Каждую точку света, которая появлялась на его поверхности. Она использовала разные раздражители: звук, свет, тепло, холод, электромагнитные поля, радиацию. И артефакт отвечал. Не всегда. Не сразу. Но отвечал. Точки света появлялись, складывались в символы, исчезали. И Мирейн записывала. Всё. Каждую секунду.

Она заметила, что точки света образуют последовательности, похожие на звёздные координаты, но записанные в десятичной системе исчисления.

Это случилось на девятнадцатый день. Мирейн сидела перед артефактом, уставшая, голодная, но неспособная уйти. Она смотрела на точки света — на их ритм, на их последовательность, на их танец, — и что-то щёлкнуло в её голове. Что-то, что было там всё это время, но что она не замечала.

Она смотрела на последовательность. На точки. На их расположение. И она поняла.

Это были координаты.

Не просто случайные точки. Не просто узоры. Координаты. Как на звёздной карте. Как на навигационном дисплее. Точки указывали на что-то. Они говорили: здесь. Здесь. И здесь.

Но система исчисления была другой. Не десятичной. Не двоичной. Не восьмеричной. Чем-то другим. Чем-то, что Мирейн не могла сразу распознать. Она смотрела на числа — на последовательности точек, на их группы, на их ритм, — и пыталась понять. Пыталась расшифровать. Пыталась найти ключ.

И она нашла.

Это была не десятичная система. Это была система, основанная на числе двенадцать. Двенадцать точек в группе. Двенадцать групп в цикле. Двенадцать циклов в периоде. Двенадцать. Везде двенадцать. Как месяцы в году. Как часы на циферблате. Как знаки зодиака. Двенадцать.

Мирейн начала записывать. Переводить. Сопоставлять. Она работала восемнадцать часов подряд, не останавливаясь, не отдыхая, не думая ни о чём, кроме чисел. И когда она закончила, у неё была последовательность. Последовательность координат. Последовательность точек в пространстве.

Она вызвала математиков.

Математики подтвердили, что это матрица пространственных точек, связанных между собой геометрическими прогрессиями.

Их было пятеро. Математики. Квантовые физики. Специалисты по многомерным пространствам. Они собрались вокруг стола, на котором лежали данные Мирейн, и смотрели на них. Смотрели долго. Молча.

— Это матрица, — сказал наконец доктор Энрике Васкес,

главный математик проекта. Он был маленьким, лысым, с глазами, которые всегда смотрели куда-то вдаль. — Определённо матрица. Но не простая. Это... это многомерная структура. Четыре измерения. Может, пять. Может, больше.

— Что она описывает? — спросила Мирейн.

Васкес помолчал. Потом сказал:

— Пространство. Это матрица пространственных точек. Координаты. Но не в нашей системе. Не в декартовой. Не в сферической. Это... — он замолчал, подбирая слова. — Это что-то другое. Более сложное. Более... элегантное.

— Геометрические прогрессии, — сказала доктор Линь, специалист по многомерной геометрии. Она была молодой, энергичной, с быстрыми глазами и быстрыми руками. — Смотрите. Каждая точка связана с другой через геометрическую прогрессию. Коэффициент — двенадцать. Всегда двенадцать. Это не случайность. Это система. Это код.

— Код для чего? — спросила Мирейн.

— Для карты, — сказал Васкес. — Это карта. Координаты. Точки в пространстве. Но не в нашем пространстве. Не в нашей галактике. Это... — он посмотрел на неё. — Это где-то ещё.

Когда данные ввели в голографический проектор, перед учёными разверзлась трёхмерная карта, охватывающая область за пределами Млечного Пути.

Голографический проектор на базе был не новым, ещё из первой серии. Он стоял в центре лаборатории — огромный,

громоздкий, покрытый пылью. Но он работал. Он всегда работал. Учёные ввели данные. Мирейн нажала на кнопку. И проектор ожил.

Сначала появилась тьма. Просто тьма. Чёрная, пустая, бесконечная. Потом появились точки. Медленно. Одна за другой. Как звёзды на ночном небе. Как огни города. Как жизнь, зарождающаяся из ничего. Точки складывались в линии. Линии — в структуры. Структуры — в формы. Формы — в галактики. Галактики — в скопления. Скопления — в сверхскопления.

Это была карта. Трёхмерная. Голографическая. Живая. Она вращалась, пульсировала, дышала. Она была прекрасна. И она была ужасна.

Потому что это была не наша галактика.

Учёные смотрели на неё. Молча. Потрясённо. Испуганно. Они видели Млечный Путь — свою галактику, свой дом, — но он был лишь точкой на краю карты. Маленькой. Незначительной. Одной из миллиардов.

А в центре карты была другая галактика. Огромная. Яркая. Величественная. И от неё исходили линии. Связи. Пути. Они тянулись через пустоту, через миллионы световых лет, и указывали на что-то. На точку. На конкретное место.

Карта указывала на конкретную точку в соседней галактике Андромеды, удалённой на два с половиной миллиона световых лет.

— Андромеда, — прошептал Васкес. — Это Андромеда.

— Два с половиной миллиона световых лет, — сказала Линь. — Это... это невозможно. Мы не можем туда добраться. Никакой корабль не может. Даже с самыми лучшими двигателями. Даже с гиперпространством. Это займёт... это займёт тысячи лет.

— Но карта указывает туда, — сказала Мирейн. — Она указывает на конкретную точку. На что-то. На что-то, что там есть.

— Что там может быть? — спросил Васкес.

Мирейн посмотрела на карту. На точку. На то место, куда указывали все линии. И она вспомнила голоса. Не свои. Чужие. Те, что слышал Восс. Те, что он описал в своём отчёте. Ты — ключ. Ты — дверь. Ты — путь.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я думаю, что мы должны выяснить.

Она смотрела на карту. На Андромеду. На точку. На что-то, что ждало там. Два с половиной миллиона световых лет от дома. Два с половиной миллиона лет пути. Два с половиной миллиона лет тайны.

И она подумала: мы нашли это. Мы нашли ключ. Но мы не знаем, что он открывает. И, возможно, мы не хотим знать.

Карта продолжала вращаться. Точки продолжали светиться. Андромеда продолжала ждать.

Глава 6

Новость о находке и полученных данных взорвала заседание Высшего Совета Империи, собравшегося в куполе древнего дворца на Титане.

Дворец стоял на Титане уже четыреста лет, и за эти четыреста лет он повидал многое. Он был построен ещё до Первой Экспансии, когда люди только-только начали осваивать внешние колонии, и его купол — огромный, прозрачный, гранёный, как драгоценный камень, — возвышался над поверхностью спутника, как хрустальный шар на ладони великана. Под куполом был сад. Настоящий сад — с деревьями, с травой, с прудами, в которых плавали живые рыбы. Сад стоил больше, чем некоторые колонии. Его поддерживали сорок садовников, три климатические установки и один небольшой ядерный реактор, спрятанный глубоко под землёй. В саду росли розы. Настоящие розы. Красные, белые, жёлтые — они цвели круглый год, и их аромат наполнял купол, заглушая запах металла и машинного масла, который был везде на «Титане».

В центре сада стоял зал заседаний. Круглый. С мраморным полом. С колоннами из настоящего дерева — не синтетики, не композита, а дерева, срубленного в лесах Земли и привезённого сюда через полгалактики. В центре зала стоял овальный стол, за которым могли разместиться тридцать человек. За этим столом сидели те, кто управлял Империей — вернее, те, кто думал, что управляет.

Адмиралы. Дипломаты. Учёные. Все они были здесь.

И все они кричали.

Адмиралы спорили до хрипоты, утверждая, что это ловушка враждебной цивилизации.

Адмирал флота Геден Марр был крупным мужчиной с седыми волосами и лицом, которое, казалось, было высечено из гранита. Он был на флоте сорок лет. Он воевал в трёх войнах, подавил два мятежа и лично командовал эскадрой, которая уничтожила пиратскую базу в Поясе Ориона. Он был живой легендой. И он был в ярости.

— Это ловушка! — рявкнул он, ударив кулаком по столу. Мрамор треснул. Никто не обратил на это внимания. — Вы что, не понимаете? Это классическая приманка! Древний корабль, странный артефакт, координаты в другой галактике — это же учебник по военной тактике, глава первая, страница первая! Враг хочет, чтобы мы отправили туда корабли!

— Какой враг, адмирал? — спокойно спросил дипломат Аарон Сингх, худощавый мужчина с тонкими очками и усталыми глазами. — У нас нет данных о существовании враждебной цивилизации в Андромеде. У нас вообще нет данных о существовании там какой-либо цивилизации.

— Именно! — Марр ткнул в него пальцем. — Именно! Мы ничего не знаем! А вы предлагаете отправить туда людей! Наши люди! Наши корабли!

— Я ничего не предлагаю, — Сингх остался спокоен. — Я говорю, что мы не знаем. И именно поэтому мы должны узнать, прежде чем делать выводы.

— Вы знаете, что случилось с экспедицией «Магеллан»? — вступил другой адмирал, женщина с короткими рыжими волосами и злыми глазами. Адмирал Хельга Тарн. — Мы тоже «не знали». Мы тоже «хотели узнать». И мы потеряли двенадцать кораблей и две тысячи человек. Из-за любопытства. Из-за желания «узнать».

— Это было сто лет назад, — сказал Сингх. — И это была ошибка навигации, а не враждебная цивилизация.

— Это была ошибка, — согласилась Тарн. — Но результат тот же. Люди погибли.

— Люди всегда погибают, — тихо сказал Сингх. — Вопрос в том, за что.

— За империю, — отрезал Марр. — За безопасность. За то, чтобы наши граждане спали спокойно. А не за любопытство учёных, которые хотят посмотреть на новые игрушки.

— Эти «игрушки», адмирал, могут изменить всё, — сказал доктор Васкес. Он сидел на дальнем конце стола, и его лысая голова блестела в свете купола. — Вы видели карту. Вы видели координаты. Это не просто данные. Это приглашение. Кто-то — или что-то — оставило это для нас. Миллионы лет назад. И ждало. Ждало, пока мы найдём.

— Приглашение, — Марр усмехнулся. — Вы знаете, что говорят о приглашениях от незнакомцев, доктор?

— Что они могут быть опасны, — ответил Васкес. — Но также могут быть возможностью. Шансом. Дверью, которая открывается раз в жизни.

— Или дверью, за которой стоит палач с топором.

— Возможно, — Васкес пожал плечами. — Но, если мы не откроем её, мы никогда не узнаем.

Дипломаты настаивали на необходимости дальнейшего изучения артефакта, прежде чем отправлять туда людей.

Сингх был не один. С ним были ещё пятеро дипломатов — мужчины и женщины, которые провели всю жизнь в переговорах, в компромиссах, в поиске решений, которые не требовали крови. Они говорили спокойно. Они говорили разумно. И это бесило адмиралов больше всего.

— Мы должны понять, что это за артефакт, — сказала посол Дария Вельт, женщина с серебристыми волосами и голосом, который звучал как колокол. — Прежде чем мы отправим людей на смерть. Мы должны знать, что он делает. Как он работает. Почему он здесь.

— Три недели, — сказал Марр. — Ваши учёные изучали его три недели. И что они выяснили? Что это карта. Карта, которая указывает на точку в Андромеде. И это всё.

— Это не всё, — возразила Мирейн Стоун. Она сидела рядом с Васкесом, и её серые глаза были усталыми, но острыми. — Мы выяснили, что артефакт реагирует на раздражители. Что он передаёт информацию. Что он... — она замолчала, подбирая слова. — Что он общается.

— Общается? — Марр посмотрел на неё. — С кем?

— С нами, — сказала Мирейн. — Мы не знаем как. Мы не знаем, что он говорит. Но он реагирует. Он отвечает. Он...

ждёт.

— Ждёт чего?

— Ответа.

Марр фыркнул.

— Это не наука. Это мистика. Вы, доктор, читаете слишком много плохих романов.

— Я, адмирал, читаю данные, — ответила Мирейн, не много повысив голос.

— И данные говорят: это не ловушка. Ловушки не ждут миллионы лет. Ловушки не оставляют карты. Ловушки не приглашают.

— Откуда вы знаете? — тихо спросила Тарн. — Откуда вы знаете, что ловушки так не делают? Вы что, изучали психологию инопланетных цивилизаций? У вас есть опыт общения с существами, которые жили миллиард лет назад?

Мирейн помолчала. Потом сказала:

— Нет. Не изучала. И не имею. Но я знаю, что мы не можем сидеть и ждать, пока что-то произойдёт. Мы должны действовать.

— Действовать, — Тарн кивнула. — Действовать. Отлично. Давайте отправим корабль в Андромеду. Два с половиной миллиона световых лет. Даже с лучшими гипердвигателями это займёт годы. Годы, доктор. Вы готовы ждать годы?

— Мы можем построить и заодно таким образом их испытать новые двигатели, такие технологии уже есть — сказал Васкес. — У нас есть данные артефакта. Его энергетическая

подпись. Мы можем использовать её для...

— Для чего? — перебил Марр. — Для того, чтобы создать оружие, которое уничтожит нас всех? Вы хоть понимаете, что вы предлагаете? Вы предлагаете поиграть с силами, которые мы не понимаем. Вы предлагаете сунуть руку в огонь и надеяться, что не обожжётесь.

— Мы уже обожглись, — тихо сказал Сингх. — Капитан Восс и его экипаж уже вступили в контакт. Они уже там были. И они живы. Они не превратились в камень. Они не были атакованы. Они просто... были там.

— Пока, — сказал Марр. — Пока не были. Но это не значит, что не будут. Мы не знаем, что произойдёт завтра. Мы не знаем, что произойдёт через год. Мы не знаем, что артефакт сделает с теми, кто его касается. Может, он уже делает это. Может, Восс уже не человек. Может, он уже...

— Достаточно, — сказал Сингх, и его голос впервые стал жёстким. — Капитан Восс — офицер Империи. Он выполнял свой долг. И он вернулся. С данными. С артефактом. Он не враг. Он не заражён. Он просто человек, который оказался в нужном месте в нужное время.

— Или в неправильном месте в неправильное время, — пробормотала Тарн.

Учёные же горели нетерпением, требуя немедленной экспедиции.

Их было семеро. Семеро учёных, которые сидели за столом и смотрели на адмиралов и дипломатов, как дети смот-

рят на взрослых, которые спорят о том, можно ли пускать детей в парк. Они слушали. Они ждали. И терпение их истощало.

— Слушайте, — сказал доктор Васкес, и его голос был усталым, но твёрдым. — Я понимаю ваши опасения. Правда, понимаю. Вы боитесь, что это ловушка. Вы боитесь, что мы потеряем людей. Вы боитесь, что мы откроем ящик Пандоры и не сможем его закрыть.

— Именно, — кивнул Марр.

— Но вы не понимаете одного, — продолжил Васкес. — Это не мы нашли артефакт. Это артефакт нашёл нас. Он ждал миллионы лет. Он ждал, пока кто-то — кто угодно — придёт и заберёт его. И этим кем-то оказались мы. Это не случайность. Это не совпадение. Это... — он замолчал, подбирая слово. — Это приглашение. Приглашение, которое мы не можем игнорировать.

— Можем, — сказал Марр. — Мы можем уничтожить артефакт. Прямо сейчас. И забыть обо всём. Забыть о корабле. Забыть о карте. Забыть о Андромеде.

Тишина. Все посмотрели на него. Даже Тарн выглядела удивлённой.

— Уничтожить? — переспросила Мирейн. — Вы серьёзно?

— Абсолютно, — Марр встретил её взгляд. — Это самый безопасный вариант. Мы не знаем, что это. Мы не знаем, что оно делает. Мы не знаем, чего оно хочет. Единственный спо-

соб обезопасить себя — избавиться от него.

— И вы готовы взять на себя ответственность? — тихо спросила Мирейн. — Вы готовы уничтожить то, что может быть ключом к пониманию вселенной? Ключом к другим цивилизациям? Ключом к нашему будущему?

— Я готов, — сказал Марр. — Потому что моя работа — защищать Империю. Не исследовать. Не открывать. Защищать.

— А моя работа, — сказала Мирейн, — исследовать. И я не позволю вам уничтожить то, что мы только начали понимать.

— Вы не позволите? — Марр усмехнулся. — Доктор, вы учёный. Вы не принимаете решений. Вы даёте рекомендации. Решения принимают другие.

— Тогда пусть другие и решают, — сказала Мирейн. — Но я скажу вам одно: если вы уничтожите артефакт, вы уничтожите шанс. Шанс, который выпадает раз в миллиард лет. И вы будете проклинять себя до конца жизни.

— Или буду благодарить, — сказал Марр.

Спор длился три дня.

Три дня в куполе. Три дня без сна. Три дня криков, споров, угроз, компромиссов. Адмиралы требовали уничтожить артефакт. Дипломаты требовали подождать. Учёные требовали действовать. Все требовали. Никто не слушал.

Еду приносили прямо в зал. Кофе лился рекой. Мраморный пол покрылся пятнами от пролитых напитков. Розы в

саду вяли — климатические установки работали на пределе, но не справлялись с жаром человеческих эмоций. Садовники ходили вокруг купола и качали головами. Они видели многое. Но такого — никогда.

На третий день, к вечеру, когда силы у всех были на исходе, когда голоса охрипли, а головы гудели, двери зала открылись.

И вошёл Император.

Император вынес свой вердикт — миссия будет, но небольшая, секретная, с возможностью немедленного отступления.

Император Александр IV был невысоким мужчиной. Немного полным. С круглым лицом и мягкими руками. Он не носил мундир, не носил корону, не носил ничего, что указывало бы на его статус. Он был одет в простой серый костюм. Он выглядел как бухгалтер. Как клерк. Как человек, который всю жизнь просидел в конторе и не видел ничего, кроме бумаг.

Но когда он вошёл, все замолчали. Все встали. Все склонили головы.

Потому что Александр IV был не просто Императором. Он был Императором двадцать восемь лет. Он пережил три покушения, два мятежа и одну войну. Он был человеком, который отправил на смерть тысячи людей — и не спал ночами, думая о каждом. Он был человеком, который знал, что власть — это не привилегия. Это бремя.

Он сел во главе стола. Медленно. Тяжело. Как старик. Хотя ему было всего шестьдесят.

— Я слушал вас, — сказал он. Его голос был тихим, но в нём была сила. Сила, которая не нуждалась в крике. — Три дня. Я слушал каждого из вас. И я принял решение.

Он помолчал. Обвёл взглядом зал. Адмиралы. Дипломаты. Учёные. Все они смотрели на него. Все они ждали.

— Миссия будет, — сказал он.

Учёные выдохнули. Адмиралы напряглись. Дипломаты переглянулись.

— Но, — продолжил Император, — это будет не экспедиция. Это будет разведка. Небольшая группа. Один корабль. Максимум — несколько человек. Секретно. Никто не должен знать. Ни пресса, ни флот, ни даже большинство Совета.

— Ваше Величество, — начал Марр, но Император поднял руку.

— Я не закончил, адмирал. Миссия будет иметь возможность немедленного отступления. В любой момент. По любой причине. Если командир решит, что ситуация опасна, он уходит. Без вопросов. Без объяснений. Это не обсуждается.

— Но что они должны делать? — спросил Сингх.

— Установить, что находится в указанной точке, — сказал Император. — И вернуться с данными. Это всё. Никакого героизма. Никакого контакта без разрешения. Никаких «первых шагов» и «исторических моментов». Просто посмотреть. Просто записать. Просто вернуться.

Он помолчал.

— Если они не вернутся, — сказал он тихо, — мы будем знать, что там что-то есть. Что-то опасное. И мы будем готовы.

— Кто возглавит миссию? — спросил Марр. — Если вы позволите, я предложу кандидатуру адмирала Тарн. Она опытный командир, она...

— Нет, — сказал Император.

— Но...

— Я сказал нет, адмирал. Адмирал Тарн — боевой офицер. Она мыслит категориями боя. Категориями угрозы. Это хорошо для войны. Но это плохо для разведки. Нам нужен кто-то другой.

Он посмотрел на Сингха.

— Кто-то, кто умеет принимать решения в безвыходных ситуациях. Кто-то, кто не паникует. Кто-то, кто может думать, когда всё вокруг рушится.

Сингх кивнул. Он знал, кого имеет в виду Император. Все знали.

Было решено, что первую экспедицию возглавит опытный офицер с опытом дальней разведки. Выбор пал на командора Эвелин Кросс, прославившуюся спасательной операцией в туманности Килла и имеющую репутацию человека, способного принимать решения в безвыходных ситуациях.

Эвелин Кросс было тридцать пять лет.

Она была красива той красотой, которая не требует уси-

лий. Светлые волосы, собранные в красивую причёску — практично, удобную, в которой не было ничего лишнего. Серо-голубые глаза, которые смотрели прямо, без страха и без вызова. Правильные черты лица. Высокий рост. Хорошая фигура — фигура человека, который проводит в спортзале не меньше времени, чем на мостике. Её облегающий космический костюм — тёмно-синий, с серебристыми вставками, с эмблемой флота на груди — подчёркивал каждый изгиб её тела. Она знала это. И ей было всё равно.

Она стояла в ангаре «Титана», смотрела на свой новый корабль и думала о том, что жизнь — странная штука.

«Скиталец» — тот самый фрегат, который нашёл артефакт, — стоял перед ней. Его чинили, красили, заправляли. Его готовили к новому полёту. К полёту, который мог вероятно стать последним. Эвелин знала это. Она знала, что миссия опасна. Она знала, что шансы вернуться — пятьдесят на пятьдесят. Может, меньше. Но она не боялась. Она никогда не боялась. Это было её проклятием. Или её даром.

Она вспомнила туманность Килла. Год назад. Три корабля, попавшие в гравитационную ловушку. Сто двадцать человек на борту. Она была командиром спасательной группы. Она потеряла двух человек. Но она спасла сто восемнадцать. Сто восемнадцать жизней. И она сделала это, потому что не боялась. Потому что думала. Потому что действовала. Потому что принимала решения, когда другие не могли.

Теперь ей предстояло принять решение снова. Только на

этот раз ставки были выше. На этот раз на кону была не сотня жизней. На этот раз на кону было будущее человечества.

— Командор Кросс, — голос за спиной.

Она обернулась. Перед ней стоял капитан Восс. Он выглядел усталым. Бледным. Постаревшим. Карантин не пошёл ему на пользу. Но его глаза — его глаза были такими же. Острыми. Внимательными. Живыми.

— Капитан, — сказала Эвелин. — Я слышала, вас выпустили.

— Выпустили, — кивнул Восс. — Вчера. После трёх недель допросов. Они хотели знать всё. Каждую деталь. Каждое ощущение.

— И что вы им рассказали?

— Правду, — сказал Восс. — Всю правду. О корабле. О телах. О кристаллах. О голосах. О артефакте.

Он помолчал.

— Они мне не поверили.

— Почему?

— Потому что правда звучит как безумие, — Восс усмехнулся. — Голоса. Песни. Корабль, который дышит. Тела, превратившиеся в камень. Кто в это поверит?

Эвелин посмотрела на него. Долго. Внимательно.

— Я поверю, — сказала она.

Восс посмотрел на неё. И что-то в его глазах изменилось. Что-то, что было похоже на благодарность.

— Вы идёте туда, — сказал он. Это был не вопрос.

— Да, — ответила Эвелин. — Император приказал.

— Тогда послушайте меня, — Восс подошёл ближе. Его голос стал тихим. Напряжённым. — Когда вы будете там... когда вы найдёте то, что ищете... не касайтесь артефактов. Не берите их. Не пытайтесь понять их. Просто смотрите. Просто записывайте. И уходите.

— Почему?

— Потому что они не отпускают, — сказал Восс. — Я держал тот артефакт в руках. Я чувствовал его. Я слышал голоса. И я до сих пор их слышу. Каждую ночь. Каждый раз, когда закрываю глаза. Они говорят со мной. Они ждут меня. Они... — он замолчал.

— Что они говорят? — тихо спросила Эвелин.

Восс посмотрел на неё. И в его глазах она увидела что-то, что заставило её вздрогнуть. Что-то древнее. Что-то чужое. Что-то, что не было Воссом.

— Они говорят: «Ты вернёшься», — сказал он. — «Ты вернёшься, потому что ты знаешь куда нужно возвращаться. Ты — путь».

Он помолчал.

— Я не хочу возвращаться.

Эвелин смотрела на него. На его усталое лицо. На его пустые глаза. На его руки, которые слегка дрожали.

— Капитан, — сказала она. — Я не вы. Я не буду касаться того, чего не понимаю. Я не буду слушать голоса. Я просто выполню миссию. И вернусь.

— Все так говорят, — Восс покачал головой. — Все. Но артефакт не спрашивает. Он просто берёт. Он берёт тебя, и ты уже не тот, кем был. Ты уже не человек. Ты уже...

Он замолчал. Посмотрел на свои руки. Потом на неё.

— Теперь мой корабль ваш. — Берегите его.

— Меня и мой экипаж отстранили, пока на время.

— Не повторяйте моих ошибок, просто будьте осторожны, командор, — сказал он. — Пожалуйста.

Он повернулся и ушёл. Эвелин смотрела ему вслед. Она смотрела, как он идёт — медленно, тяжело, как старик, — и думала о том, что он сказал.

Глава 7

Эвелин Кросс собрала свой экипаж лично, выбирая не по документам, а по характеру.

Она сидела в своём кабинете на «Титане» — маленьком, тесном, заваленном бумагами и голографическими планшетами, — и просматривала досье. Сотни досье. Тысячи. Она читала их три дня. Она не спала. Она пила кофе — литрами, — и её глаза горели от усталости, но она не останавливалась. Потому что знала: от её выбора зависят жизни. Не только её собственная. Жизни тех, кого она возьмёт с собой. И, возможно, жизни миллиардов.

Император сказал: минимальный экипаж. Она и два помощника. Не больше. «Скиталец» был модифицирован —

его ИИ, «Оракул», был способен заменить большую часть экипажа. Навигация, инженерия, связь, медицинская поддержка — всё это «Оракул» мог делать сам. Но ИИ не мог думать, как человек. Не мог чувствовать. Не мог принимать решения, когда логика отказывала. Для этого нужны были люди. Два человека. Лучших из лучших.

Она выбрала их за неделю. Не потому, что они были самыми квалифицированными — хотя и это тоже. А потому, что они были правильными. Потому что они были теми, кто не сломается. Кто не запаникует. Кто будет рядом, когда всё пойдёт не так.

Её первым помощником стал лейтенант Гарретт Вейн, пилот-штурман, способный вывести корабль из гравитационного колодца нейтронной звезды.

Гарретт Вейн был высоким, худым, с длинными пальцами и глазами цвета зимнего неба. Ему было тридцать два, и он выглядел на двадцать пять — молоджавое лицо, лёгкая небридность, вечная улыбка, которая, казалось, никогда не сходила с его губ. Но за этой улыбкой скрывался один из лучших пилотов Империи.

Он вырос на грузовом корабле. Его родители были торговцами, которые перевозили грузы между колониями, и он провёл детство в тесных каютах, глядя на звёзды через иллюминаторы. Он научился пилотировать раньше, чем научился читать. К двенадцати годам он знал все типы двигателей, все системы навигации, все возможные аварийные ситуации. К

восемнадцать он поступил в академию — не потому, что хотел, а потому, что не знал, что делать ещё. К двадцати пяти он был лучшим выпускником своего курса. К тридцати — легендой.

Его репутация была построена на одном случае. Три года назад он служил на крейсере «Немезида», который патрулировал границу с сектором, где не было ни звёзд, ни планет — только нейтронная звезда, одинокая и злая. Крейсер попал в её гравитационный колодец. Двигатели отказали. Связь пропала. Экипаж готовился к смерти. Но Вейн — тогда ещё лейтенант — сел за руль и сделал невозможное. Он использовал гравитацию звезды, чтобы разогнать корабль, потом вывел его по дуге, потом — в последний момент — запустил аварийные двигатели и вырвался. Он спас сто двадцать человек. Он не потерял никого.

Когда Эвелин спросила его, как он это сделал, он пожал плечами и сказал:

— Я просто почувствовал. Звезда хотела нас убить. Но она не знала, что я умею танцевать.

Эвелин взяла его. Не потому, что он был лучшим пилотом — хотя он и был. А потому, что он не боялся. Никогда. Даже когда должен был.

Вторым — сержант Томас «Том» Рилл, специалист по первичному контакту и выживанию в экстремальных условиях.

Томас Рилл был полной противоположностью Вейна.

Невысокий. Коренастый. С широкими плечами и руками, которые, казалось, были созданы для того, чтобы ломать, а не строить. Ему было сорок. Он выглядел на пятьдесят. Его лицо было покрыто шрамами — следами от ожогов, порезов, ударов. Его левый глаз был заменён кибернетическим — красным, светящимся, жутким. Он никогда не улыбался. Он никогда не повышал голоса. Он говорил мало и делал много.

Он был единственным выжившим в инциденте на колонии «Новая Эдем». Колония была атакована — кем или чем, до сих пор не было известно. Когда спасательная группа прибыла, они нашли только руины. И Рилла. Он был ранен, обожжён, почти мёртв. Но он был жив. Он выжил в одиночку, в течение трёх недель, в условиях, которые убили бы любого другого. Он питался тем, что находил. Он прятался от того, что охотилось на него. Он ждал.

Когда его спросили, как он выжил, он сказал только одно: — Я не хотел умирать.

Эвелин взяла его. Не потому, что он был специалистом по контакту — хотя он и был. А потому, что он знал, как выживать. Знал, как не сдаваться. Знал, как оставаться человеком, даже когда всё человеческое умирает.

Трое они сели за стол в кают-компании фрегата «Скиталец», обсуждая маршрут.

«Скиталец» был не просто кораблём. Он был легендой. Тот самый фрегат, который нашёл артефакт. Тот самый корабль, который вернулся из тьмы с чем-то, что не должно

было существовать. Его корпус — чёрный, матовый, поглощающий свет — был покрыт слоями брони и стелс-покрытием, которое делало его невидимым для большинства сенсоров. Его двигатели были экспериментальными. Его ИИ — «Оракул» — был одним из самых продвинутых в Империи.

Кают-компания была маленькой. Стол. Четыре стула. Голографический проектор в центре. Стены — серые, металлические, без украшений. Никаких картин, никаких растений, ничего, что могло бы напомнить о доме. Это был корабль. Не дом. Корабль. Но в этом корабле была память. Память о том, что он видел. О том, что он нашёл. О том, что он принёс.

Эвелин сидела во главе стола. Вейн — справа. Рилл — слева. Перед ними мерцала голографическая карта. Андромеда. Точка. Два с половиной миллиона световых лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.